

Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Историография и дискуссионные проблемы боборыкинской культуры // ВАУ. – 1998. – Вып. 23. – С. 162 – 183.

Ковалева В.Т., Потемкина Т.М. Поселения с линейно-накопчатой керамикой в бассейне р. Тобол // КСИА. – 1980. – Вып. 161. – С. 91 – 97.

Ковалева В.Т., Сериков Ю.Б. Поселение боборыкинского типа на Андреевском озере у г. Тюмени // Археологические исследования севера Евразии. – Свердловск: УрГУ, 1982. – С. 39 – 52.

Ковалева В.Т., Чаиркина Н.М. Этнокультурные и этногенетические процессы в Среднем Зауралье в конце каменного – начале бронзового века: итоги и проблемы исследования // ВАУ. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1991. – С. 45 – 70.

Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. – М.: Наука, 1981. – 278 с.

Косарев М.Ф. Неолит Восточного Зауралья и Западной Сибири // Археология: Неолит Северной Евразии. – М.: Наука, 1996. – С. 253 – 269.

Крижевская Л.Я. Некоторые данные о неолите и ранней бронзе Западно-Сибирской лесостепи // Сибирь и ее соседи в древности. – Новосибирск: Наука, 1970. – С. 153 – 162.

Крижевская Л.Я. Раннебронзовое время в Южном Зауралье. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. – 128 с.

Крижевская Л.Я. Среднее Поволжье, Волго-Камье, Приуралье // Археология: Неолит Северной Евразии. – М.: Наука, 1996. – С. 243 – 252.

Логвин В.Н. О некоторых сторонах механизма этнических процессов в неолите – бронзе степной полосы СССР // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1981. – С. 158 – 160.

Логвин В.Н. Стоянка маханджарской культуры Соленое Озеро-2 // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. – Куйбышев: Куйб. гос. пед. ин-т, 1982. – С. 148 – 159.

Логвин В.Н. Каменный век Казахского Притоболья: Мезолит – энеолит. – Алма-Ата: Казах. гос. пед. ун-т, 1991. – 63 с.

Мерперт Н.Я. Проблемы энеолита степи и лесостепи Восточной Европы // Энеолит Восточной Европы. – Куйбышев: Куйб. гос. пед. ин-т, 1980. – С. 3 – 26.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов неолита и раннего металла. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. 1. – 128 с.

Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. – М.: Наука, 1985. – 375 с.

Сальников К.В. Новый вариант раннебронзовой культуры Зауралья // КСИА. – 1961. – Вып. 85. – С. 3 – 10.

Сериков Ю.Б. Кокшарово-Юрьинская торфяниковая стоянка в Среднем Зауралье // СА. – 1992. – № 4. – С. 131 – 147.

Старков В.Ф. Стоянка Шапкуль I и особенности энеолита в лесном Зауралье // Вопросы археологии Приобья. – Тюмень: Тюм. гос. ун-т, 1976. – С. 38 – 48.

Стефанова Н.К. Исток IV – неолитический памятник Тюменского Притоболья // Неолитические памятники Урала. – Свердловск: УрО АН СССР, 1991. – С. 132 – 143.

Тимофеев В.И. Проблемы абсолютной хронологии // Археология: Неолит Северной Евразии. – М.: Наука, 1996. – С. 330 – 337.

Тимофеев В.И., Зайцева Г.И. Список радиоуглеродных датировок неолита // Археология: Неолит Северной Евразии. – М.: Наука, 1996. – С. 337 – 348.

Материал поступил в редколлегию 22.03.02 г.

УДК 903'15

С.Г. Боталов

Челябинский научный центр УрО РАН
 Южноуральский отдел Института истории и археологии УрО РАН
 ул. Коммуны, 68, Челябинск, 454000, Россия
 E-mail: grig@sci.urfu.ac.ru

ХУННЫ И ГУННЫ

Кочевые этносы в своей материальной и духовной культуре несут характерный именно для них историко-культурный комплекс (ИКК), своеобразный код, который составлен из наиболее значимых черт и традиций их культуры. Безусловно, этот ИКК в процессе переселений и изменения геокультурного пространства этноса видоизменяется, но доминирующее этносоциальное сообщество продолжает сохранять его основные черты, которые на последующих стадиях выступают своеобразными маркерами.

Такую закономерность демонстрирует хунно-гуннский ИКК, который формировался на территории Северного Китая в среде палеоиранских скотоводов [Кожин, 1990, с. 52; Григорьев, 1999, с. 293], т.н. северных варваров (жуны, ди), носителей культур ордосских бронз. В шанско-иньскую эпоху в этом регионе закладывались основные черты сюнну-хуннского комплекса [Тянь Гуанцзинь, 1983; Коновалов, 1996, с. 58 – 59], для которого характерны индивидуальные погребения, прямолежание, преобладающая северная ориентировка, гробовые деревянные конструкции, погребение в могиле голов и конечностей животных, а также высокая культура бронзолитейного производства (рис. 1). Кардинальные ландшафтно-климатические изменения, произошедшие в зоне центрально-азиатских степей в конце II – середине I тыс. н.э. [Демкин, Рысков, 1996, с. 99 – 100], вызвали серьезную перегруппировку и культурную трансформацию этого варварского населения – сплошной переход к кочевью, китайскую ассимиляцию племен бассейна Хуанхэ, множественные миграции и перемещения [Варенов, 1996, с. 4 – 6; Ковалев, 1998, с. 128 – 129; Крадин, 1996, с. 23; Кульпин, 1995, с. 11 – 14; Мануйлов, 1993; Материалы..., 1968,

с. 14 – 15, 35 – 36, 124; Новгородова, 1989, с. 320 – 321; McGovern, 1939, p. 99 – 100].

Начало этих процессов, относящееся к первой половине I тыс. до н.э., ознаменовано оттоком карасуконного населения из Большой Монголии и Ордоса, участвовавшего в X – VIII вв. до н.э. в формировании на западе памятников бегазы-дандыбаевского и северо-тагискенского круга (рис. 2, 9 – 11, II) [Исмагил, 1998, с. 6; Маргулан, 1979, с. 62]. Распад жунско-дисконной общности варварских культур Северного Китая стал причиной миграции на запад (в Казахстан и Южное Зауралье) тасмолинского древнесакского населения (рис. 2, 18, 19, IV) [Акишев, Кушаев, 1963, с. 118, 134; Акишев, 1973], на северо-запад (Алтай) – племен, оставивших памятники типа Чесноково I, Солонечный Белок, Машенка I (рис. 2, 16) [Шульга, 1998, с. 37, 49], а также образования в пределах Синьцзяна огромного пласта культур сакского облика (рис. 2, V) [Дебэн-Франкфор, 1989, с. 246 – 256].

Следующий этап сакских миграций начался в V – IV вв. до н.э. Материалы типа Алагоу зарегистрированы в регионах, достаточно удаленных от Турфана, на западе, юго-западе (Иссык, Бешатыр, Берккара) [Погребова, 1988, с. 184 – 187; Самашев и др., 1998, с. 175 – 182], а также на северо-западе (Северо-Западный Алтай – комплексы типа Локоть IV, Сибирка [Могильников, 1999, с. 187; Полосьмак, 1990; Ситников, Шульга, 1995, с. 59 – 62]) и севере, где проникновение саков ярко отразилось на формировании кара-кобинской культуры и особой (сакской) группы керамического материала в большереченской культуре [Троицкая, Бородавский, 1994, с. 74 – 76] (рис. 2, 23 – 25).

Завершающий этап миграций, которые были более масштабными на фоне других, приходится на конец III – II вв. до н.э. Он отражает территориальные изменения, произошедшие в Центрально-Азиатском регионе после возникновения Хуннской империи и связанные с движением из Западной Монголии и Восточного Туркестана всех народов, расселившихся западнее хуннов. Эта миграционная волна, прокатившаяся по джунгарским степям, своим западным крылом охватила все племена, упоминавшиеся Страбон: ассины, тохары, сакаравы, сакарауки, паскарны, паскианы (ассианы, аланы, юэчжи, сакарауки – “светлые” саки, по Э.А. Грантовскому [1975]). Основными в этом процессе, на наш взгляд, были перемещения юэчжийско-сарматского населения из Ганьсуского (Хэсийского) коридора во второй половине I тыс. до н.э. и аланов из Восточного Туркестана в Среднюю Азию и Предкавказье в I в. н.э. [Берлизов, Каминский, 1993; Сергацков, 1998] (рис. 3, 2 – 5, 18 – 30; 4, 18, 26 – 36). Кроме того, следует отметить переселение усуней из Синьцзяна в долину среднего течения р. Или и Семиречье, а также в восточноказахстанские предгорья Алтая (памятники позднекулажургинского типа) (рис. 3, 31 – 34) [Черников, 1975, с. 135 – 136] и, вероятно, отток гянгуней в предгорья Саяно-Алтая, что ускорило распад единого пласта пазырыкско-тагарских европеоидных племен Южной Сибири (“динлин”) [Савинов, 1994, с. 9 – 10] в конце IV – III в. до н.э. и привело к формированию прателесского тюркского ареала памятников булан-кобинского, кокпашского, а позднее катандинско-берельского облика и общности енисейских кыргызов [Боталов, 1996] (рис. 3, 35 – 39). Многие из вышеперечисленных процессов бесспорно носили более сложный локально-хронологический характер, по сравнению с предложенной схемой, однако ограниченность объема настоящей статьи не позволяет подробно рассмотреть отдельные этапы названных трансформаций (см. рис. 3, 35, 36).

Историческим следствием деструктивных процессов в первой половине I тыс. до н.э. явилось создание централизованных северокитайских государств Цинь и Хань и сложение к III – II вв. до н.э. первой кочевой империи хунну. Хуннский ИКК окончательно сформировался как поликультурное явление. Кроме уже упомянутого населения палеоиранского облика, вероятно, значительную долю в нем составляли монголоидные племена Юго-Западной Маньчжурии. Впоследствии данный комплекс распространился на огромные территории Большой Монголии, Забайкалья и Тувы. Несмотря на определенные локально-территориальные особенности, в целом он довольно хорошо идентифицируется в пределах сюнно-хуннского ареала. Хуннский ИКК характеризуется следующими чертами погребального обряда: для рядовых захоро-

нений – округлые каменные насыпи (а также грунтовые и бескурганные погребения), узкие прямоугольные ямы, гроб, северная ориентировка; для аристократических усыпальниц – сложные многокамерные прямоугольные с дромосом (на юг) склепы, глубокие ямы, на дне которых внутри сруба помещался гроб с умершим, уложенным головой на север, головы крупного и мелкого рогатого скота в торцевых нишах. Вещевой комплекс включает лук (цельнодеревянный, составной с “гуннским” набором костяных накладок); колчан (наконечники в преобладающем количестве двухлопастные ромбические черешковые и трехлопастные асимметрично-ромбические и ярусные) [Худяков, 1986, с. 30 – 42]; узду, состоящую из кольчатых удилов, железных двудырчатых псалий и крупных колец для перекрестных ремней и крупных подпружных пряжек [Коновалов, 1976, табл. VI, IX, X, XI; Давыдова, 1996, табл. 70, 10 – 12, 21 – 22, 25, 26]; ножи с прямой спинкой с деревянной или костяной рукоятью; разнообразную по форме гончарную посуду (хумы, вазы, горшки и др.); поясной набор (наконечники ремней, ажурные бляхи с зооморфным орнаментом, фигурные накладки); ханьские зеркала, а также бусы, подвески и бубенчики (Дэрестуйский, Ноин-Ула, Ильмовая Падь, Иволгинский) (рис. 5, 6).

В рамках данного исследования нас в большей мере интересовало, как происходило расширение культурного влияния и перемещение хуннского ИКК на запад после развала кочевой империи (см. рис. 3, 7 – 10, 17, III; 4, 4 – 8, 11 – 13, 16 – 18). Анализ материала из кочевнических и полукочевнических комплексов Средней Азии и Южного Казахстана последних веков до новой эры – первых веков новой эры позволяет выделить памятники, несущие черты, близкие к хуннскому ИКК. Среди среднеазиатских комплексов эти черты наиболее отчетливо проявились в памятниках тулхарской группы, т.н. юэчжийско-кушанского ИКК (см. рис. 3, 7, 20, 28 – 30), и кочевнических курганных комплексах, составляющих значительную часть погребений джетыясарской группы (см. рис. 4, 14) [Левина, 1992, 1996], названной нами гунно-кангюйским ИКК. Сходство с юэчжийско-кушанскими памятниками II – I вв. до н.э. объясняется, вероятнее всего, едиными истоками и территориями культурогенеза (Хэси, Принаньшань). В целом появление этих комплексов в Северной Бактрии и Предпамирье во II – I вв. до н.э. и дальнейшее развитие юэчжийских погребальных традиций в кушанскую эпоху происходило в конкретной геокультурной области и не противоречило общей исторической ситуации [Заднепровский, 1975; Литвинский, Седов, 1989; Мандельштам, 1975; Сариниди, 1989]. Джетыясарские курганные комплексы появились в низовьях Сырдарьи, вероятно, уже в первых веках новой эры, однако, как показала про-

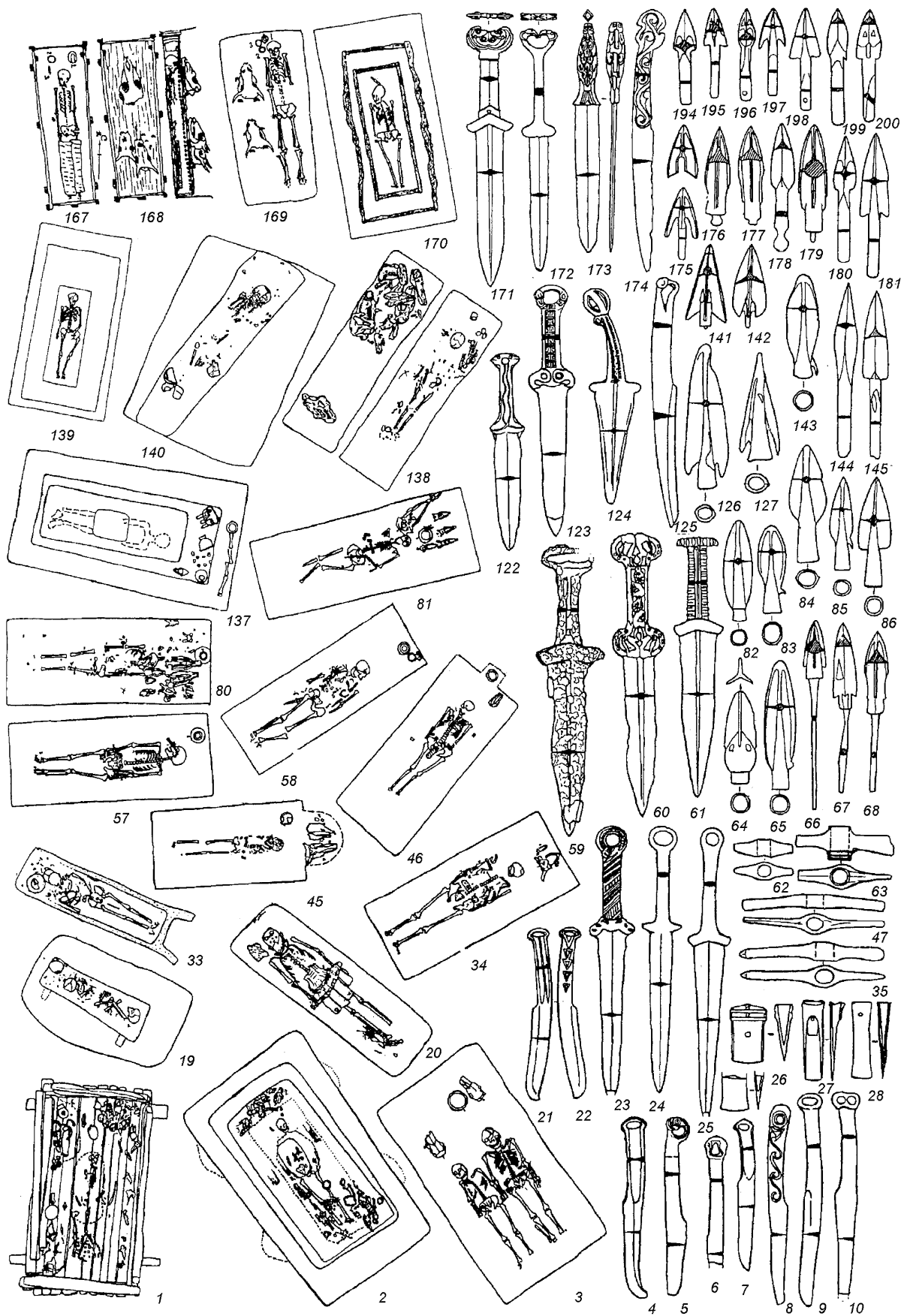

Рис. 1. Культура ордосских бронз (по Тянь Гуанцзинь [1983, с. 10 – 13, 16], Тянь Гуанцзинь, Го Сусинь [1986, с. 5 – 12, 17 – 21, 53 – 59, 69 – 73, 76 – 89, 94 – 96, 105 – 107, 116, 120, 132, 146, 147, 151, 167, 206 – 209, 233 – 236, 241 – 255, 378; 395 – 397], Чжао Юэ [1990, с. 891 – 893], А.В. Варенову [1990, с. 47 – 48]).
 Байфу: 1 (мог. 2); Байцаопо: 2 (мог. 2); Сигуопань: 3 (мог. 1); Чжоуцзяди: 19 (мог. 19), 20 (мог. 45), 33 (мог. 43); Маоцингоу: 45 (мог. 23), 46 (мог. 31), 81 (мог. 43), 170 (мог. 25); Таохунбала: 58 (мог. 58), 80 (мог. 6), 138 (мог. 2); Чжанцзяпо: 137 (мог. 19); Лабудалинь: 167, 168 (мог. 3), 169 (мог. 2).

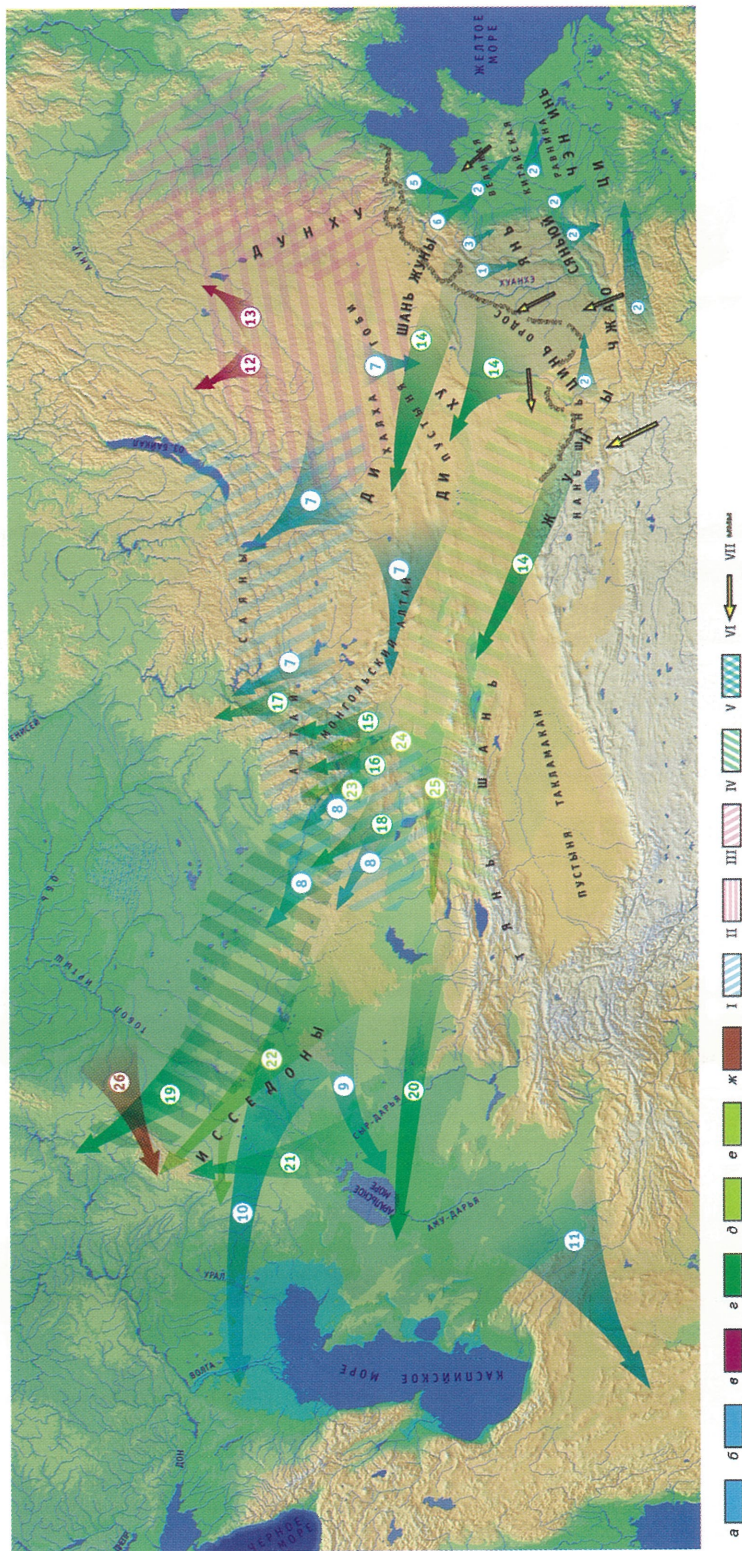

Рис. 2. Этнокультурные процессы в первой половине I тыс. до н.э.

а – вторжение населения северных варваров (жуны, ди, шаньжуны) в китайские царства в VIII – VII вв. до н.э.: 794 г. до н.э. (1), 782 – 771 гг. до н.э. (3), 714 г. до н.э. (4), 707 г. до н.э. (5), 664 г. до н.э. (6) (по В.С. Таскину [Материалы..., 1968, с. 14 – 37], А.А. Ковалеву [1998, с. 130 – 131]); б – распад карасукской общности в X – VIII вв. до н.э.: отток карасукского населения в Северный Китай, Восточный Туркестан, Южную Сибирь (7), миграции карасукского (бегазы-даньбаевского) населения в Центральный Казахстан (8), Приаралье (Северный Тагискен) (9), Нижнее Поволжье (Ала-куль II, Стаган, Котелок (по Г.М. Мелентьеву [1975, с. 40 – 41]) (10), на Иранское нагорье (луристанские бронзы VIII в. до н.э.) (11); в – распад культуры плиточных могил Монголии в VIII – VI вв. до н.э.: отток носителей культуры в Забайкалье (12), лесостепную Маньчжурию (верхний слой Сяцзянь) (13); г – распад ареала культур “северных варваров” (жуны, ди): отток скифо-сакского населения (жуны?) в Западную Монголию, на Алтай, в Джунгарию, Синьцзян (14); сакское влияние на скифские культуры Алтая в V – IV вв. до н.э. (памятники кара-кобинской культуры) (15); сакско-тасмолинские комплексы Алтая (Чесноково, Солонечный Белок и др.) (16); сакский компонент в скифских культурах Тувы (сакско-усуеньское единство) (17); сложение тасмолинской культуры (18); сакско-тасмолинские памятники в Северном Казахстане и Южном Зауралье (19); формирование культуры приаральских саксов (20); сакско-массагетский компонент в древнепрохоровской культуре (по А.Д. Таирову [1995, с. 90 – 91]) (21); д – скифский компонент в древнепрохоровской культуре (по С.Ю. Гуцалову [1998, с. 131]) (22); е – сакско-скифское влияние в Сибири и Казахстане в V – IV вв. до н.э.: памятники исыкского (Юкооть IV) и сарматского круга на юго-западе Сибири (по В.А. Могильникову [1999, с. 186 – 189]) (23); сакское влияние на формирование большебереченской культуры (Верхнее Приобье) (24); единство саксов Восточного Туркестана и Южного Казахстана (параллель Алагоу – Исык) (25); ж – гороховский компонент в прохоровской культуре (по М.Г. Мошковой [1974, с. 135 – 138]) (26). I – памятники карасукской общности; II – захват территорий северных варваров династиями Чжоу, Цинь в V – III вв. до н.э.; VI – Великая китайская стена.

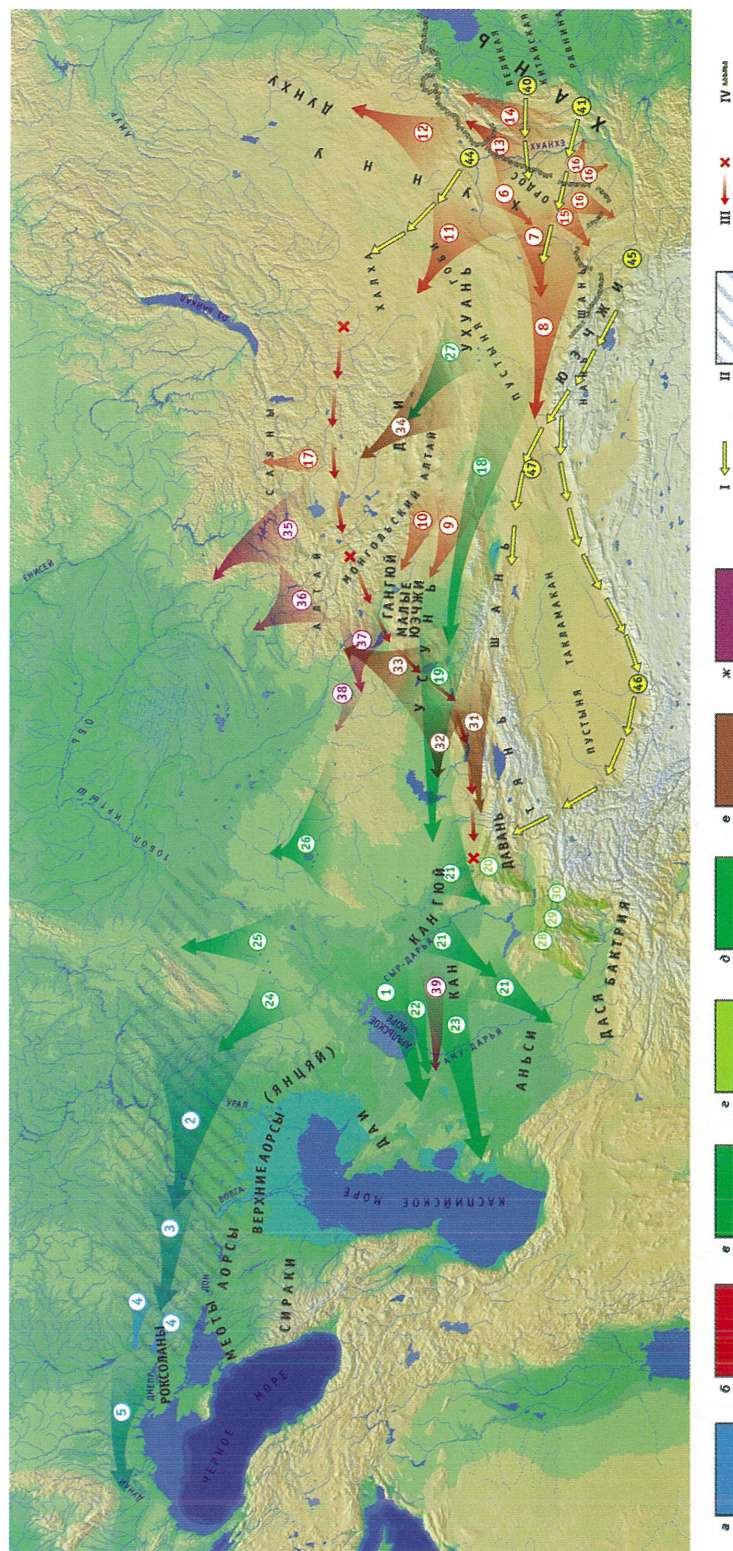

Рис. 3. Этнокультурные процессы во второй половине I тыс. до н.э.

а — продвижение раннесарматского населения (IV – I вв. до н.э.); проникновение раннеюзджийского населения в Приаралье в IV – III вв. до н.э. (Тарим-кая I, Тумек-Кичиджик) (по Б.И. Вайнберг [1999, с. 241 – 242]) (1); исход раннесарматского (прохоровского) населения на запад в IV – III вв. до н.э. (по А.Д. Таирову [1995, с. 90 – 91]) (2); проникновение прохоровского населения на правобережье Дона во II в. до н.э. (по В.Е. Максимова [1983, с. 128 – 129]) (3); переход сарматов и таров через Дон во II в. до н.э. (по Ю.М. Десятникову [1973, с. 133]) (4); выход аорсов к дельте Дуная в 49 г. до н.э. (по Д.А. Мачинскому [1974, с. 131 – 132]) (5); б — хуннские экспансии: первый поход юзджеев (Тоумань) (6); второй поход на юзджеев (Модз, 208 г. до н.э.) (7); третий поход на юзджеев (205 – 203 гг. до н.э.) (8); завоевание усуней, гянгунь, хуньной, цюйше, синли, ди (205 – 203 гг. до н.э.) (9 – 11); завоевание луань (Тоумань) (12); возвращение Орды, завоевание луфань (208 г. до н.э.) (13, 14); набеги на Хань в 166 г. до н.э. (уезд Пиньян, Чжана, Юн-Ганьсу, Шэньси), 128 – 121 гг. до н.э. (округа: Янь-Минь, Юйянь, Динсян, Юньсян-Шань, Ляоси, Дай, Хэбэй) (15, 16); проникновение хунну в Туву (17); в — миграции юзджеев: исход из Приаралья и Ганьсу коридора (18); уход из Восточного Туркестана после поражения от усуней и асиан (170 – 130 гг. до н.э.) (19); г — вторжение юзджеев в Среднюю Азию (юзджийско-кушанский ИКК): Шаушукумский могильник (погребения в простых ямах) (20); памятники Северо-Западной Бактрии (Бабашевский, Тили-Тепе) (28); памятники Северной Бактрии (Тулхарский, Кокучский, Бишкенские) (29); Приамурья (Джаллак-Тобе, Маашан, Кызыл-Ту) (30); д — вторжение юзджеев в Среднюю Азию, Казахстан и Южный Урал (юзджийско-сарматский ИКК, “юзджи дома Чжаову”): Ташкентский оазис, Шаушукумский могильник, катакомбы II типа (20); Бухарский и Самаркандские оазисы (Ляваддак, Кулю-Мазар, Аталы) (21); Хорезм (Тумек-Кичиджик, Тузгир, Тайкыр) (22); Юго-Восточный Прикаспий (Пархай, Хаз-Киряз, Кызыл-Чашма) (23); Южное Приуралье (Покровка-1, 2, 7, 8, 10; Мечетсай, Увак) (24); Южное Зауралье (Солнце, Стрелецкое, Граулитры) (25); Казахстан (Жалтыр, Берлик, Саргаты) (26); сарматские памятники Западной Монголии (27); е — миграции усуней (сако-усуньский ИКК): сако-усуньские памятники Притяньшаня III – I вв. до н.э. (Соколова, Беркара, Чильбек) (31); усунь Или (Капчагай, Утеген, Кызыл-Эспе) (32); позднелазуритские памятники (Кула-Журга, Пчела, Тускаин) (33); возможное сако-усуньское проникновение в Западную Монголию, Туву (34); ж — миграции гянгунь: в Минусу (тесноско-шестасковские памятники III – II вв. до н.э.) (35), на Алтай (памятники шибинского и гунно-сарматского круга (булан-кобинский, берельский, раннекалгинский типы) (36); раннекулажуритские памятники (III – II вв. до н.э.) (37); памятники каргантаского типа (38); хорезмские памятники типа Куля-Уаз, Канга-Кала (по Е.Е. Неразук [1958, с. 381 – 382]) (39). 1 – походы Хань на хунну и в западный край в II – I вв. до н.э. (40), 123 г. до н.э. (41), 124 – 121 гг. до н.э. (42), 119 г. до н.э. (43), 114 г. до н.э. (44), 103 г. до н.э. (45), 104 – 102 гг. до н.э. (46), 97 г. до н.э. (47); II – раннесарматская (прохоровская) общность; III – походы и места ставок шаньюя Чжи-Чжи; IV – Великая китайская стена.

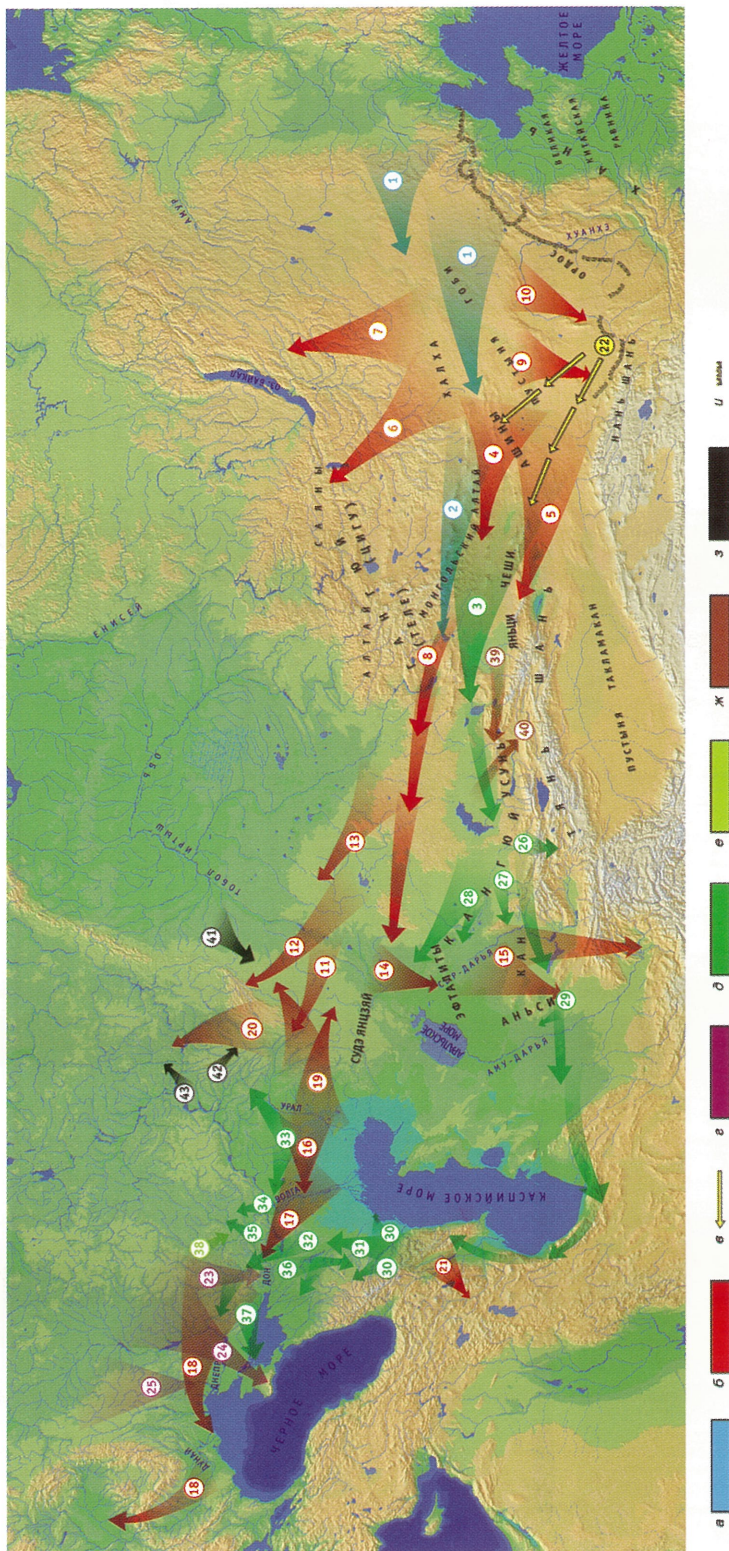

Рис. 4. Этнокультурные процессы в первой половине I тыс. н.э.

а – нашествие сянби: 87 – 156 гг. (1), поход Танышуйя (2); б – миграции хунно-гунов: уход северных хунну в Восточный Туркестан (87 г. н.э.) (4); уход части южных хунну после поражения от сянби (117 г. н.э.) (5); раскол хунну, уход части северных хунну в Туву и Забайкалье (48 г. н.э.) (6, 7); исход северных хунну из Восточного Туркестана в Кантой (151 г. н.э.) (8); участие южных хунну и Хань, отток южных хунну в Северный Китай (48 – 91 гг. н.э.) (9, 10); появление гуно-сарматского населения в урало-казахстанских степях (середина II в. н.э.) (11 – 13); оседание гуно-сарматов в низовье Сырдарьи (гуно-кангойский ИКК, 470 г. н.э.) (14); походы гуно-эфгалитов в Пейджаб, Тохаристан, Уструшану, Самарканд (конец V – начало VI в. н.э.) (15); продвижение гуно-сарматов на нижнюю Волгу в позднесарматское время (16); появление гуно-сарматов ("всадников") на нижнем Дону и в Северном Причерноморье (середина II в. н.э.) (17); проникновение гуно-сарматов в низовье Дуная (Буджакская степь) (II – III вв. н.э.) (18); обратный отток гуно-сарматского населения после вторжения готов (середина III в. н.э.) (19); проникновение гуно-сарматов в лесостепное Приуралья (турбаслинская культура) (20); б – походы Хань на северных хунну: в 91 – 98 гг. н.э. (21), 123 г. н.э. (22); з – нашествие готов: на нижний Дон (23), в Крым (24), Северо-Западное Причерноморье (25); д – миграции аланов в I в. н.э. (алан-кангойский ИКК); кенколские памятники на территории Таласа и Ферганы (26), Ташкентского (каунинская культура) (27), Самаркандского и Бухарского (29) оазисов, в среднем течении Сырдарьи (арысская культура) (28); проникновение аланов в Предкавказье (памятники терекско-дагестанской группы (по Н.Е. Берлизову, В.Н. Каминскому [1993, с. 94 – 111]) (30); появление катакомб Ставрополя (III в. н.э.) (31); проникновение аланов на нижний Дон (Донская Алания) и Северное Причерноморье (середина I в. н.э.) (32); среднесарматские (аланские) памятники Нижнего Поволжья и Оренбуржья (I – начало II в. н.э.) (33); переселение сармато-аланов (танагты, асси) из Заволжья в Подонье и лесостепное Волго-Донье во II в. н.э. (34); переселение части среднесарматского населения в лесостепное Подонье в I – II вв. н.э. (по А.П. Медведеву [1998, с. 3 – 12]) (35); переселение части аланов в Восточное Предкавказье (по С.А. Яценко [1993, с. 84]) (середина III в. н.э.) (36); уход сармато-аланов в Крым в I – II вв. н.э. (37); е – переселение славянского населения в донскую лесостепь (по А.В. Медведеву [1998, с. 3 – 12]) (38); ж – миграции усуней: исход из Восточного Туркестана (II в. н.э.) (39); уход усуней из Семиречья в V в. н.э. (40); з – взаимодействие гуно-сарматов с лесостепным населением Урала: угорское зауральское население кашинско-пруговского типа (41); финно-угорское население Южного Приуралья (памятники имендьяшевского типа) (42); взаимодействие с населением имендьяшевского типа (памятники типа Коминтерновский II); и – Великая китайская стена.

веденная корреляция вещевого инвентаря из курганных и склеповых погребений, наиболее широко они были представлены в V – VIII вв. н.э.

Особую группу составляют памятники сарматско-юэчжийского ИКК (лявандакская группа), занимающие северные окраины среднеазиатских оазисов (Ташкентский, Бухарский, Самаркандский, а также Хорезм, Казахстан и Южный Урал) и представляющие собой подбойно-катакомбные комплексы конца III – II вв. до н.э. – I в. н.э. (см. рис. 3, 1, 21 – 23) [Вайнберг, 1979; Лоховиц, 1979; Лоховиц, Хазанов, 1979; Максимова и др., 1968; Обельченко, 1961, 1967; Хабдулина, 1994; Мандельштам, 1971; Смирнов, 1975; Яблонский, Дэвис-Кимбэл, Демиденко, 1995]. Они получили дальнейшее историко-культурное развитие в катакомбных (дромосных) комплексах аланокангюйского (кенкольская группа) ИКК (I – V вв. н.э.) на территории Таласа, Ферганы, Кетмень-Тюбе, Арыси, Самаркандского, Бухарского, Ташкентского оазисов и др. [Бернштам, 1940; Горбунова, 1991; Заднепровский, 1975, 1992а, б, в; Литвинский, 1967; Байпаков, Подушкин, 1989; Кожомбердиев, 1975; Максимова и др., 1968] (см. рис. 4, 3, 10, 26 – 29). Еще одну особую культуроединую группу образуют усуньские комплексы на территориях Киргизии, Юго-Восточного Казахстана и Западного Синьцзяна с каменными курганами и оградами, могилами с западной ориентировкой (сако-усуньский ИКК – чильпекская группа) [Акишев, Кушаев, 1963; Бернштам, 1952; Воеводский, Грязнов, 1938; Заднепровский, 1992а; Досымбаева, 1999]. Однако наиболее ярко черты сходства с хуннским ИКК воплотились в гунно-сарматских памятниках, появление которых в урало-казахстанских степях относится к середине II в. н.э. (см. рис. 4, 11 – 13). Безусловно, эти памятники имеют свои особенности, которые, по моему мнению, объясняются временными (хуннские материалы представлены в основном памятниками II – I вв. до н.э.) и геокультурными различиями хуннского и раннегуннского культурных очагов. При этом продолжают сохраняться наиболее общие черты хунно-гуннского ИКК: простые курганы, склепообразные и фигурные наземные конструкции с проходом в южной части, гробы, северная ориентировка умерших, особый тип ременной гарнитуры для узды и поясов (с прямоугольными, восьмерковидными, сферическими накладками и листовидными и кольцевидными привесками), длинные обоюдоострые узкие мечи с прямым перекрестием или без него и круглым навершием (северокитайского происхождения), трехлопастные железные и асимметрично-ромбические костяные наконечники стрел), котлы (монгольского и ордосского происхождения), ханьские зеркала (рис. 7). Впечатляет многочисленность гунно-сарматских комплексов (до 350 исследованных), очаг которых находился, ве-

роятно, в Орь-Илекском междуречье и на левых притоках среднего Урала. Эти территории, как, впрочем, и огромные районы Южного Зауралья и Поишимья, в предыдущие 200 лет были фактически незаселенными, на что указывают единичные памятники I в. до н.э. – I в. н.э. [Боталов, Гуцалов, 2000, с. 146 – 151].

Таким образом, во II – IV вв. н.э. в урало-казахстанских степях на фоне сложных этногенетических процессов, в результате которых сложилось новое этнополитическое образование, накапливался огромный массив кочевнического населения. Кроме того, происходили разнохарактерные миграции гунно-сарматов в Восточную Европу (постепенная инфильтрация и разовые рейды) (см. рис. 4, 16 – 18). В этой связи следует коснуться вопроса о позднесарматской культуре.

Как показал анализ материалов комплексов II – IV вв. н.э., на территориях восточно-европейского ареала облик позднесарматских трансформаций не был одинаковым. В самой позднесарматской культуре различают по меньшей мере шесть локально-территориальных вариантов, которые соотносятся с Заволжьем, Волго-Доньем, нижним Доном, Причерноморьем, Буджакской степью, Подунавьем [Гудкова, Фокеев, 1984; Гросу, 1979; Костенко, 1977, 1979; Рикман, 1975; Смирнов, 1954; Федоров, 1960; Фокеев, 1986, 1987; Kulcsar, 1998]. Что же вынуждает многих исследователей рассматривать многочисленные и разнообразные комплексы, разбросанные на территории от Поволжья до Паноннии, в рамках единой позднесарматской культурной общности? В целом такие культурообразующие признаки, как северная ориентировка, деформация черепов, мечи без перекрестия и навершия, зеркала-подвески, фибулы, луки с концевыми и срединными насадками, крупные трехлопастные железные и костяные наконечники стрел, выделенные А.С. Скрипкиным [1984, с. 82 – 87], на разных территориях представлены в различном соотношении. Результаты сравнительного анализа памятников на нижнем Дону, в Причерноморье, Подунавье выявили весьма существенные различия между синхронными позднесарматскими и нижеволжскими погребальными комплексами, что позволило в отдельных случаях даже изменить их определение (западносарматские памятники Молдовы [Рикман, 1975, с. 57]). Можно сказать, что на территориях западнее Волги названные позднесарматские черты находили отражение лишь в определенной степени и не на всех этапах. Они, словно некие маркеры новой эпохи (или все-таки культуры?), пронизывали всю толщу сармато-аланского массива племен и, постепенно разрушая его культурную монолитность в течение II – IV вв., к самому концу IV в. проявились на его крайне западном пределе (Альфельд).

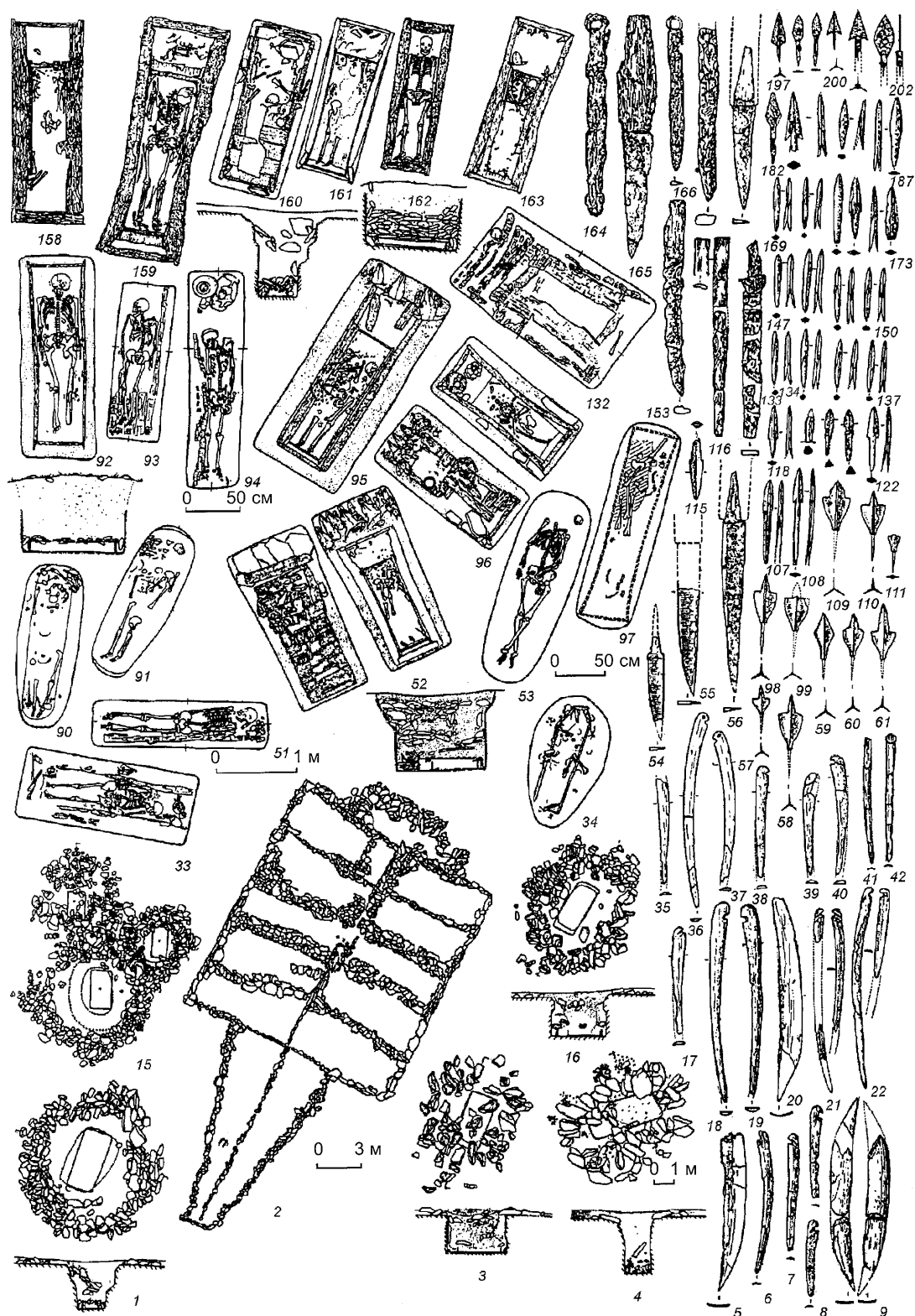
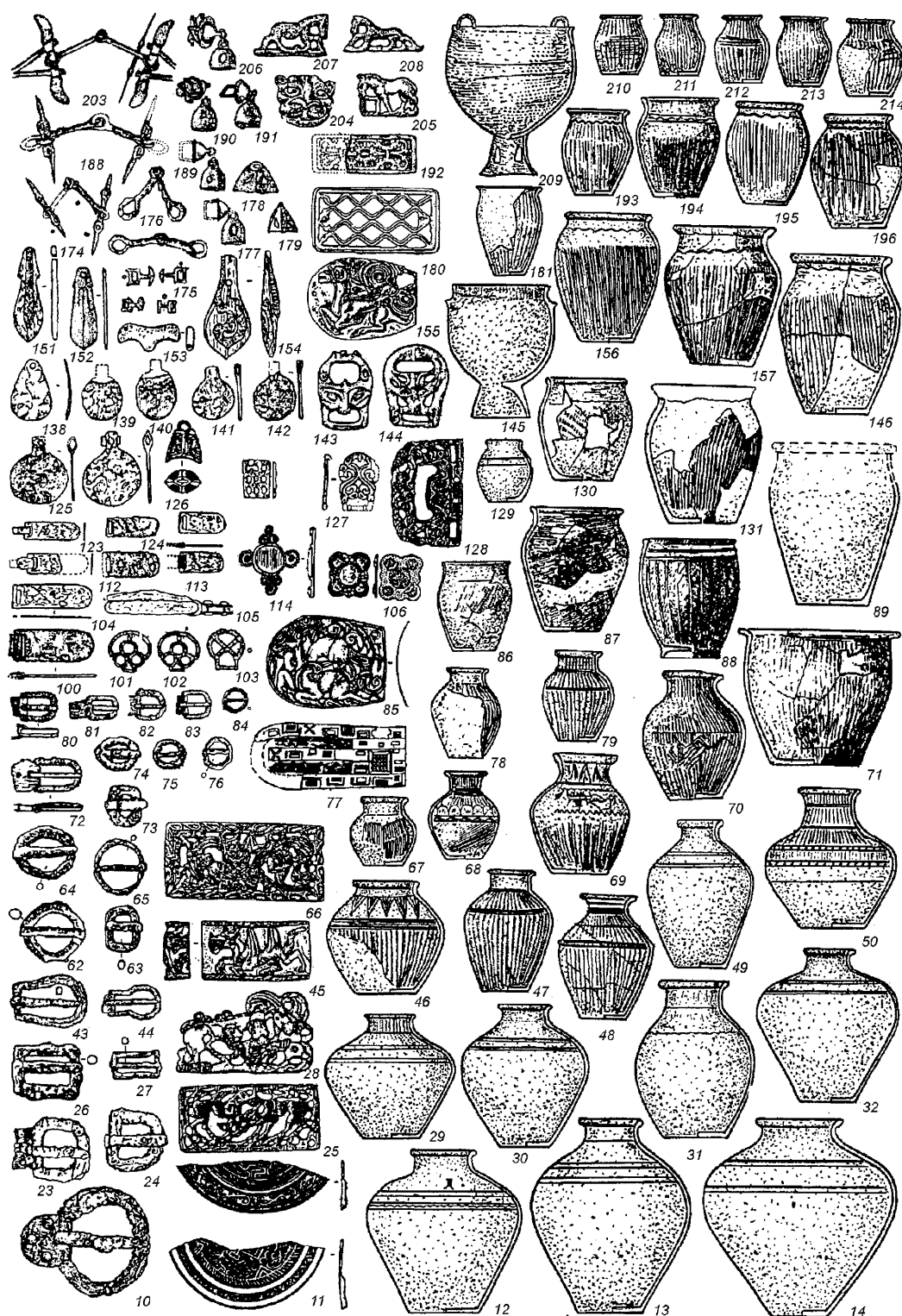

Рис. 5. Хуннский ИКК. Забайкалье (по П.Б. Коновалову [1976, рис. 4, 7, 10, 11, 19, 40, 43, 47, 48, 56, 59, 65, 87, 100, 106, табл. I – XXVII], В.А. Могильникову [1992, с. 455 – 458]).

Ильмовая Падь: 1 (мог. 46), 2 (мог. 544), 5 – 10, 17 – 22, 24, 30, 32, 35, 40 – 45, 49, 57 – 62, 66, 72 – 74, 80 – 83, 100, 104, 105, 107, 112, 113, 115, 123 – 125, 139 – 142, 144, 146, 154, 168, 174, 176, 182, 188 – 191, 208; 14, 89, 96, 129 (мог. 58); 15 (мог. 13); 16, 95 (мог. 45); 52 (мог. 42); 163 (мог. 46); Черемуховая Падь: 3 (мог. 38); 4 (мог. 58); 11 – 13, 29, 54 – 56, 98, 99, 106, 109 – 111, 114, 126, 138, 151, 152, 165, 195 – 199, 207; 158 (мог. 15); 159 (мог. 5); 160, 161 (мог. 49); Дерестуйский: 25, 28, 31, 50, 77, 85, 127, 155, 177 – 179, 200 – 204, 206; 162 (мог. 33);

Иволгинский: 26, 27, 51, 75, 86, 128, 167 (мог. 98); 33, 67, 69, 194 (мог. 100); 34, 63, 130, 131 (мог. 22); 36, 37, 39 (мог. 31); 38 (мог. 38); 48, 101, 102, 210 – 216 (мог. 120); 47, 78, 88 (мог. 138); 53 (мог. 3); 64, 70, 87, 94, 119 – 121 (мог. 88); 65, 103, 108, 122, 175 (мог. 48); 71, 91 (мог. 52); 76, 84 (мог. 180); 79, 145 (мог. 139); 90, 116, 117, 134 – 137, 147 – 150, 164, 169 – 171, 185, 186 (мог. 54); 92 (мог. 26); 93 (мог. 102); 97 (мог. 97); 116, 157, 166, 172, 173, 183, 184, 187 (мог. 9); 132 (мог. 91); 133 (мог. 133); 181 (мог. 141); 209 (мог. 119); Судженский: 46;

Иволгинское городище: 143, 180, 190; Дурены: 205.

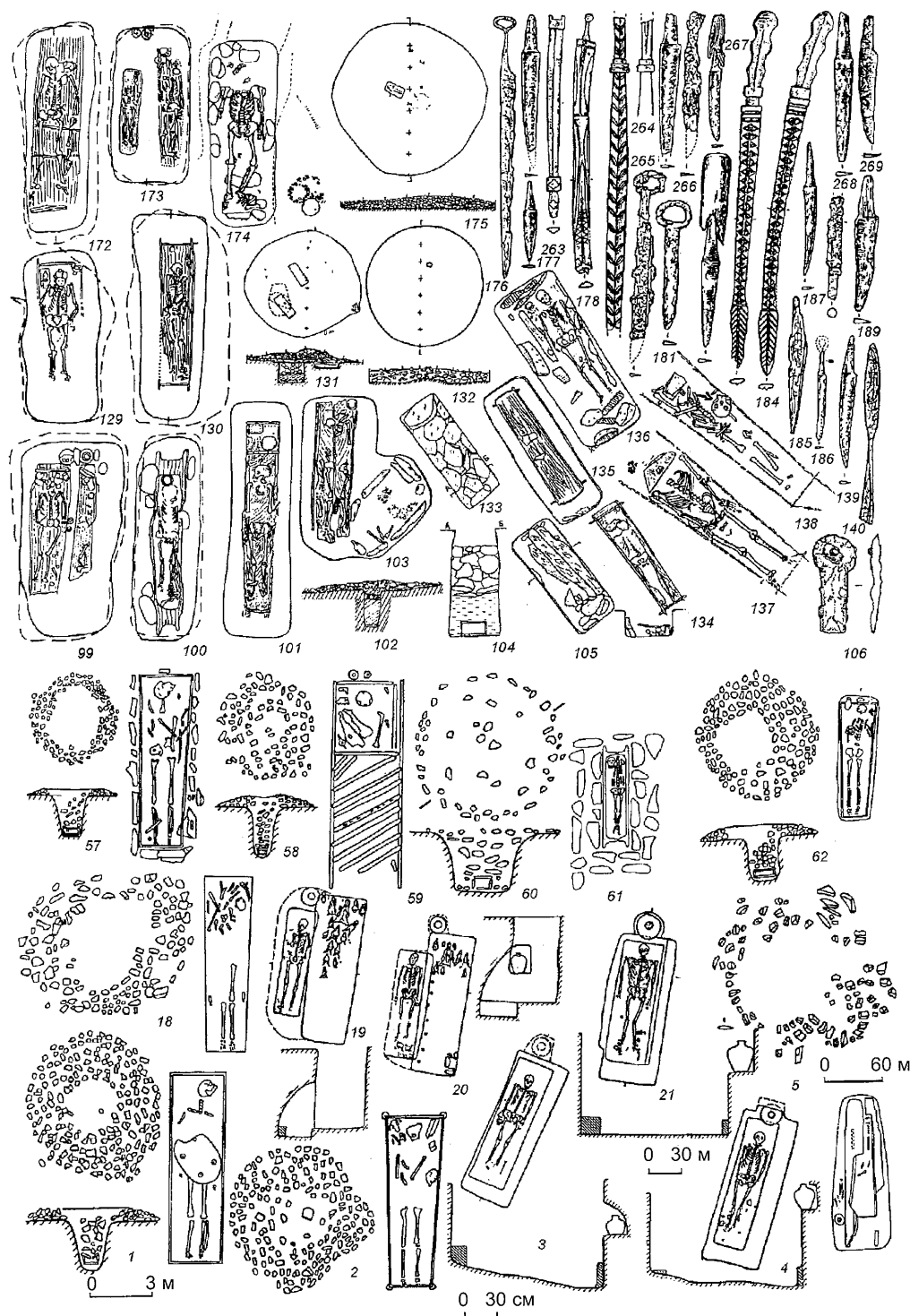
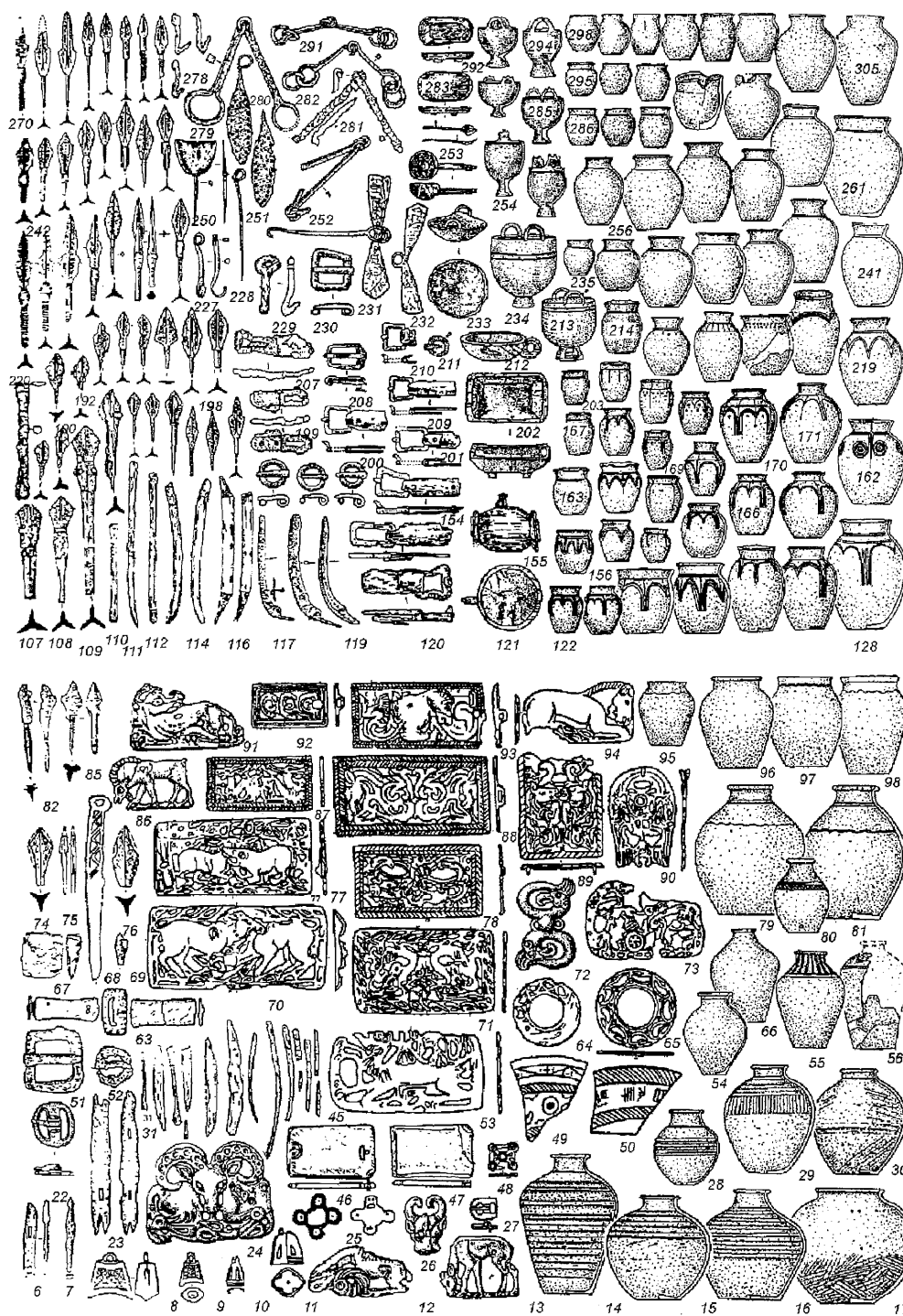

Рис. 6. Хуннский ИКК. Китай, Монголия, Тува (по Л.Р. Кызласову [1979, с. 88 – 93, 95, 115 – 117], У Энъ, Чжун Кань, Ли Цзиньцзэн [1990, с. 89 – 98], Д. Цэвэндоржу [1985, с. 55, 56, 58 – 61, 63 – 74], С.И. Вайнштейну, В.П. Дьяконовой [Das Graberfeld..., 1984, S. 23, 25, 109 – 112, 114, 117, 118, 122, 127, 138 – 142], Г.П. Данченко, С.П. Нестерову [1989, с. 95 – 98]). Тэвш-Уул: 1, 49, 63 (погр. 8); 2, 25, 31, 54 (погр. 1); 6, 18, 23, 93 (погр. 3); 7, 58, 59, 82 – 85, 95 (погр. 2); 32 – 44, 57, 59 (погр. 16); 62, 80 (погр. 20); 98 (погр. 6); Даодуньцзы: 3 (погр. 19); 4 (погр. 14); 8 – 11, 22, 27 – 30, 52 – 54, 46, 47, 64, 65, 67, 68, 70, 71, 73, 77 – 81, 92, 93; 19 (погр. 6); 20 (погр. 13); 21 (погр. 2); Нухтин ам: 5, 74, 76 (погр. 22); Ордос: 12, 13, 24, 26, 48, 72, 91; Найма Толгой: 6; 55, 66, 96 (погр. 5); Чандманы: 60, 61 (погр. 30); 69, 75 (погр. 29); Кокэль: 99, 173 (L, 11); 100, 206, 241, 261, 262 (LXIX, 11); 101, 130 (LX, 11); 103 (кург. 53); 110 – 114 (XXV, 26); 115, 116, 189 (III, 26); 120, 158, 205 (кург. 41); 122, 179 (LXXXIV, 11); 123 (кург. 61); 124, 127, 128, 159 (LXVI, 11); 129, 177 (LXXI, 26); 145, 146, 163, 166, 169, 203, 213 (кург. 7); 150, 219, 247, 249, 294 (XXXI, 11); 151, 156 (XIX, 8); 152, 192 – 194, 198, 204, 238, 258, 259, 265, 300 (кург. 65); 153, 165, 171 (кург. 59); 154, 236 (XXI, 8); 155 (XL, 11, погр. 26); 157 (XC, 11); 160, 161, 252 (кург. 28); 166 (кург. 33); 167 (LXXI,

11); 168, 235 (XXX, 26); 170, 197 (кург. 4); 174 (XX, 39); 178, 263 (кург. 23); 182 (XXIII, 8); 183, 184, 283, 285 (кург. 32); 186 (III, 11); 187, 269 (I, 11); 189, 268 (XXIV, 8); 195, 196, 214, 240, 256 (кург. 64); 200 (XXXVIII, 11); 201, 226, 245, 246 (XVI, 11); 210, 234 (LXXI, 11); 211 (XIX, 8); 215, 303 (LXXIV, 11); 216 (XX, 11); 220 – 223, 242, 255 (XXIV, 26); 225 (XII, 11); 230, 298 (кург. 57); 237, 254 (кург. 34); 239, 270 – 273 (XXII, 11); 243 (V, 26); 244, 299 (IV, 26); 248, 267 (LXXXVII, 11); 253 (XLII, 26); 257, 264 (XXII, II); 260 (XXXIII, 11); 274, 275 (LXXIX, 11); 276, 277 (LXXIX, 11); 278 (кург. 40); 284 (XX, 8); 286, 295 (XXXVIII, 8); 287 (XXXVI, 11); 288 (LXXXX); 292 (кург. 33); 293 (LXXXI, 11); 296 (кург. 41); 297 (XI, 26); 301 (X, 11); 302 (LXXXIV, 11); Кара-Дар: 104, 133, 202, 212 (кург. 1, погр. 1); 105, 136 (кург. 1, погр. 2); 107 – 109, 121, 131, 134, 135, 144, 186, 188, 208, 218, 233, 250, 266, 289 (кург. 1); Хара-Даг-Бажи: 106, 137, 138, 141 – 143, 190, 191, 199, 207, 217, 281 (погр. 1, 2); Атамановка-10: 117 – 119, 251, 280, 305; Шанчыг: 123, 125, 175 (кург. 3); 132 (кург. 6); Туран: 126 (кург. 117); Шурмак Тее: 139, 140, 185, 231, 232 (кург. 1, 4); Уюк-Тарлык: 147 – 149, 224 (кург. 58); Курже: 279 (кург. 3); Байдаг: 282, 291, 304 (кург. 69, 71, 77).

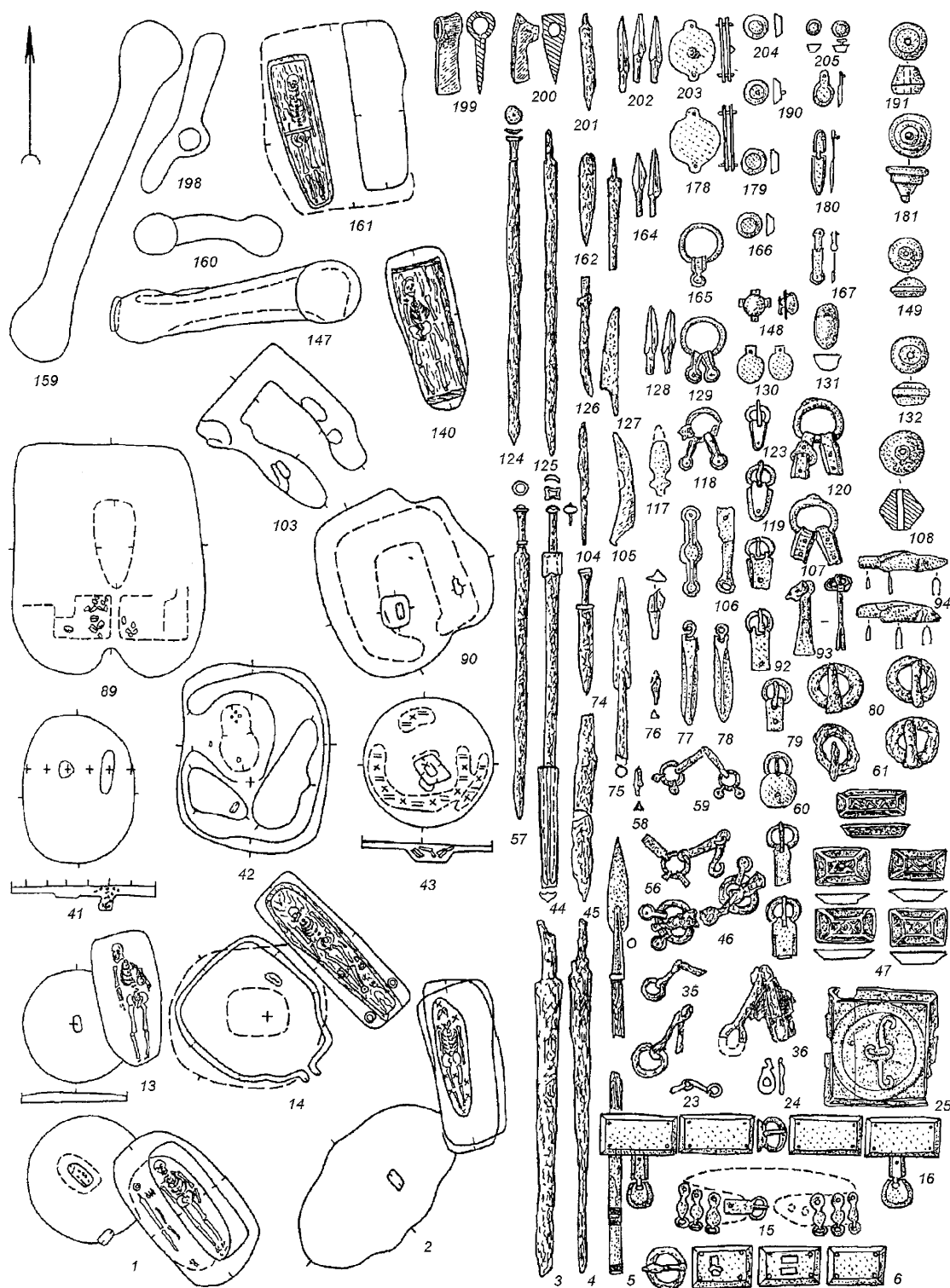
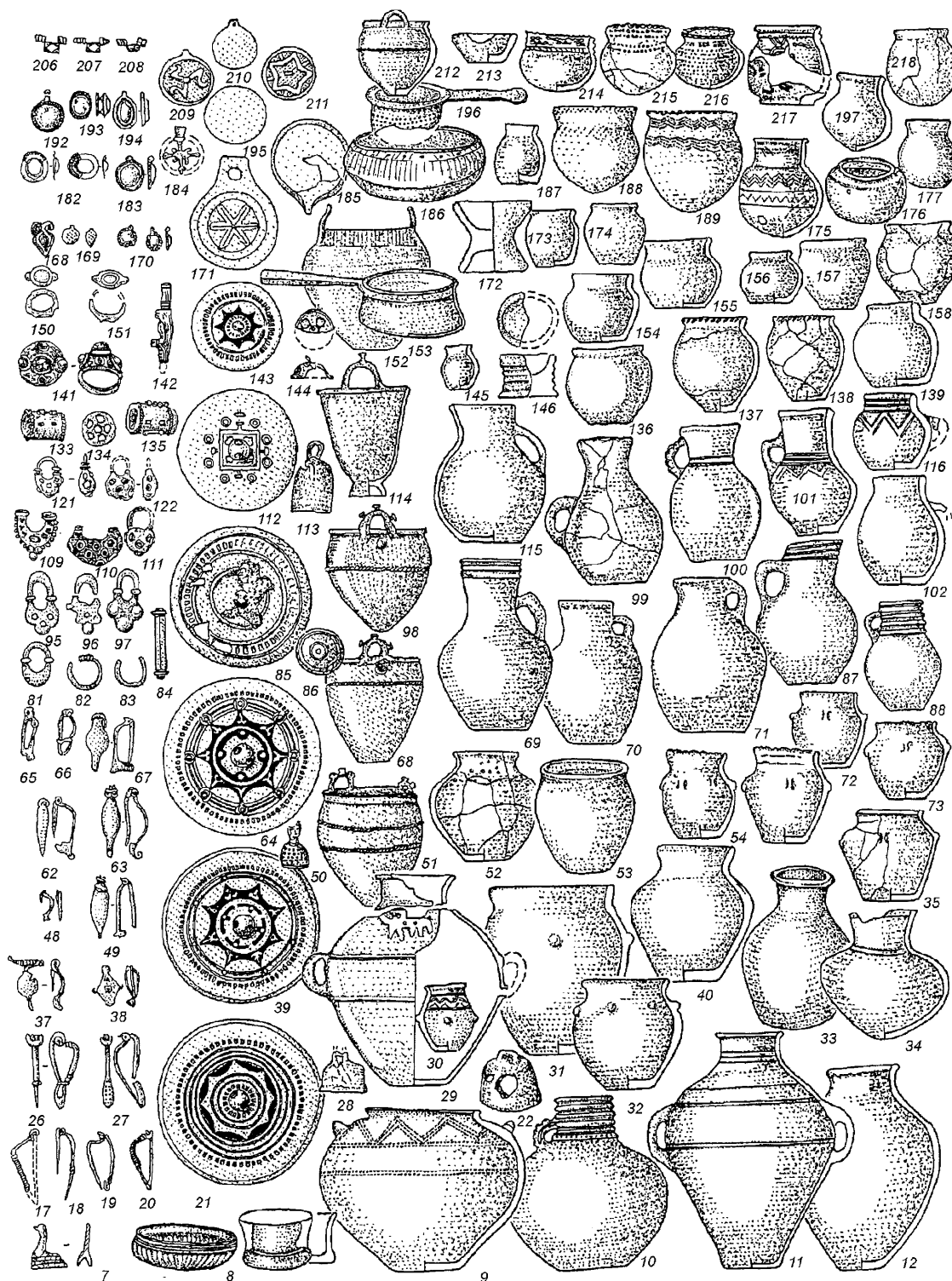

Рис. 7. Гунно-сарматский ИКК (урало-казахстанские степи) II – IV вв. н.э.

Покровка: 1, 4, 23, 181, 128, 164, 202 (кург. 2); Больше-Караганский: 2 (кург. 7); 13, 88, 184 (кург. 19); 14, 17, 99, 151, 156, 169, 209, 212 (кург. 8); 20, 40, 69, 101, 116, 132, 149, 162, 191, 211 (кург. 18); 100 (кург. 20); IV Комсомольский: 3, 19 (кург. 5); 70, 71, 143 (кург. 3); 79 (кург. 4); Лебедевский: 5, 8, 51, 75, 105, 110, 127, 163, 199, 200 (кург. 1); 110, 132, 135, 141, 168, 186, 192, 196 (кург. 2); Целинный: 6, 35, 44, 46, 157, 167, 180, 205 (кург. 6); 31 (кург. 32); 32 (кург. 20); 58, 76, 103 (сооружение 13); Восточно-Курайлинский: 7, 12, 30, 70, 108, 115 (кург. 3); Покровка-2: 9, 11, 25, 29, 47, 61, 80, 93, 94, 131, 213 (кург. 9, погр. 1); Малково: 10, 59 (кург. 3); 36, 39, 77, 78, 81, 86, 107, 120, 123, 142, 216 (кург. 1); Байрамгулово: 15, 16, 106, 109, 118, 166, 172, 179, 182, 188 – 190, 204, 215 (кург. 2, погр. 2); Дербеневский: 18 (кург. 17);

26 (кург. 20); 95, 96; Темясовский: 21, 22, 27, 33, 38, 50, 67, 111, 176 (кург. 3); 157, 158 (кург. 7); Жаман-Карагала I: 24 (кург. 8); Сарытау: 28, 89, 113 (сооружение 12); Восточно-Курайлинский I: 34, 87 (кург. 33); Целинный I: 37, 62 (кург. 87); 63, 82 – 84, 150, 171, 197 (кург. 86); 74 (кург. 57); 85, 172, 187 (кург. 81); Друженский: 41, 134 (кург. 5); 42, 102, 112, 130, 148, 156, 173, 178, 203 (сооружение); 97, 155, 194, 207, 208 (кург. 3); Новоникольское: 43, 60, 206 (кург. 4); Агпа II: 54, 72, 73, 104 (кург. 3); 55, 91 (кург. 4); Лебедевка VI: 57, 114 (кург. 37); 98, 112 (кург. 39); 147 (кург. 1); Лебедевка V: 64 (кург. 23); 152 (кург. 49); Шатрово: 65 (кург. 2); Кара-Тал I: 66 (кург. 6); Магнитный: 68, 90, 122, 146 (кург. 3); Сибайские II: 92, 129, 165 (кург. 2).

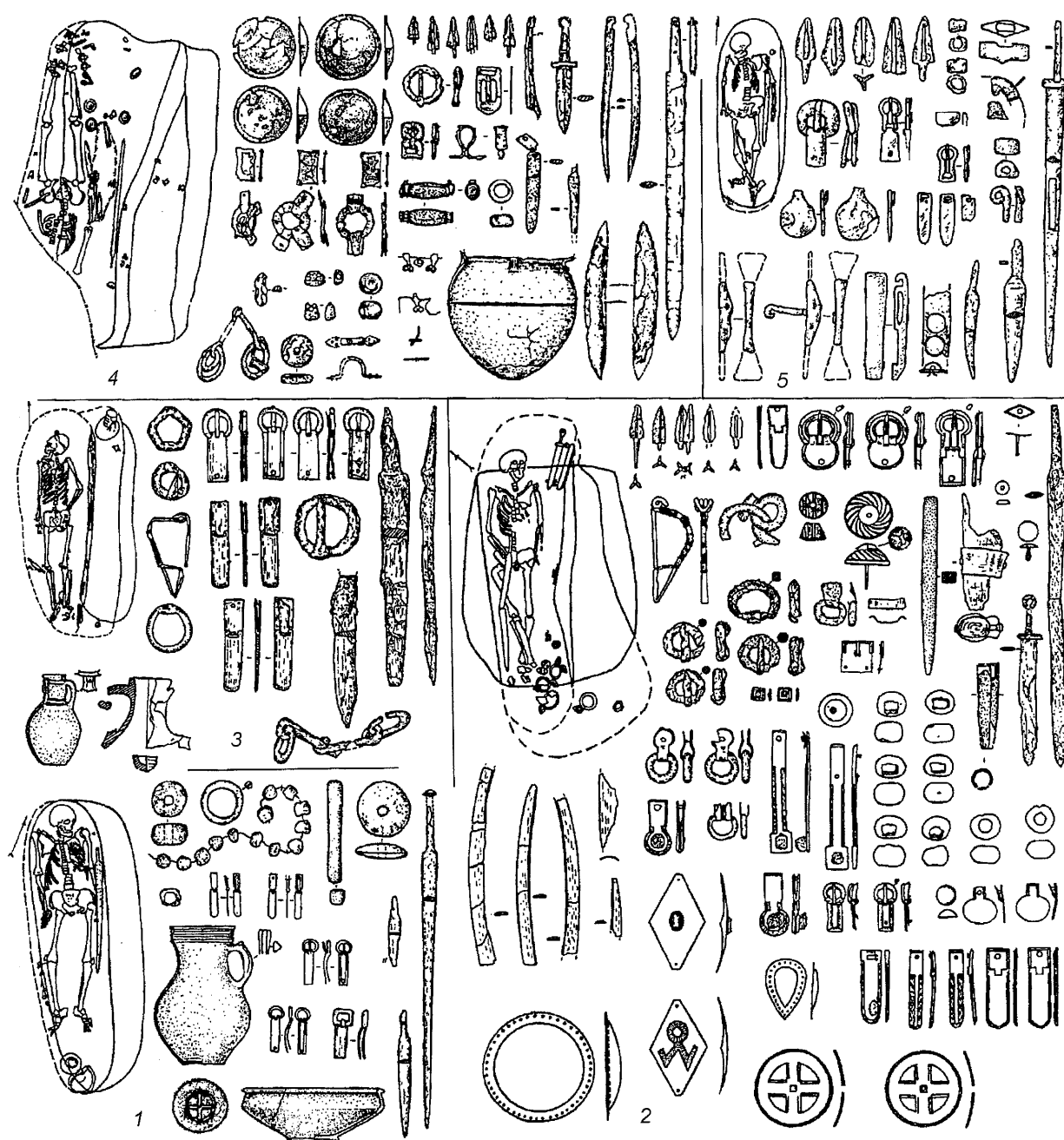
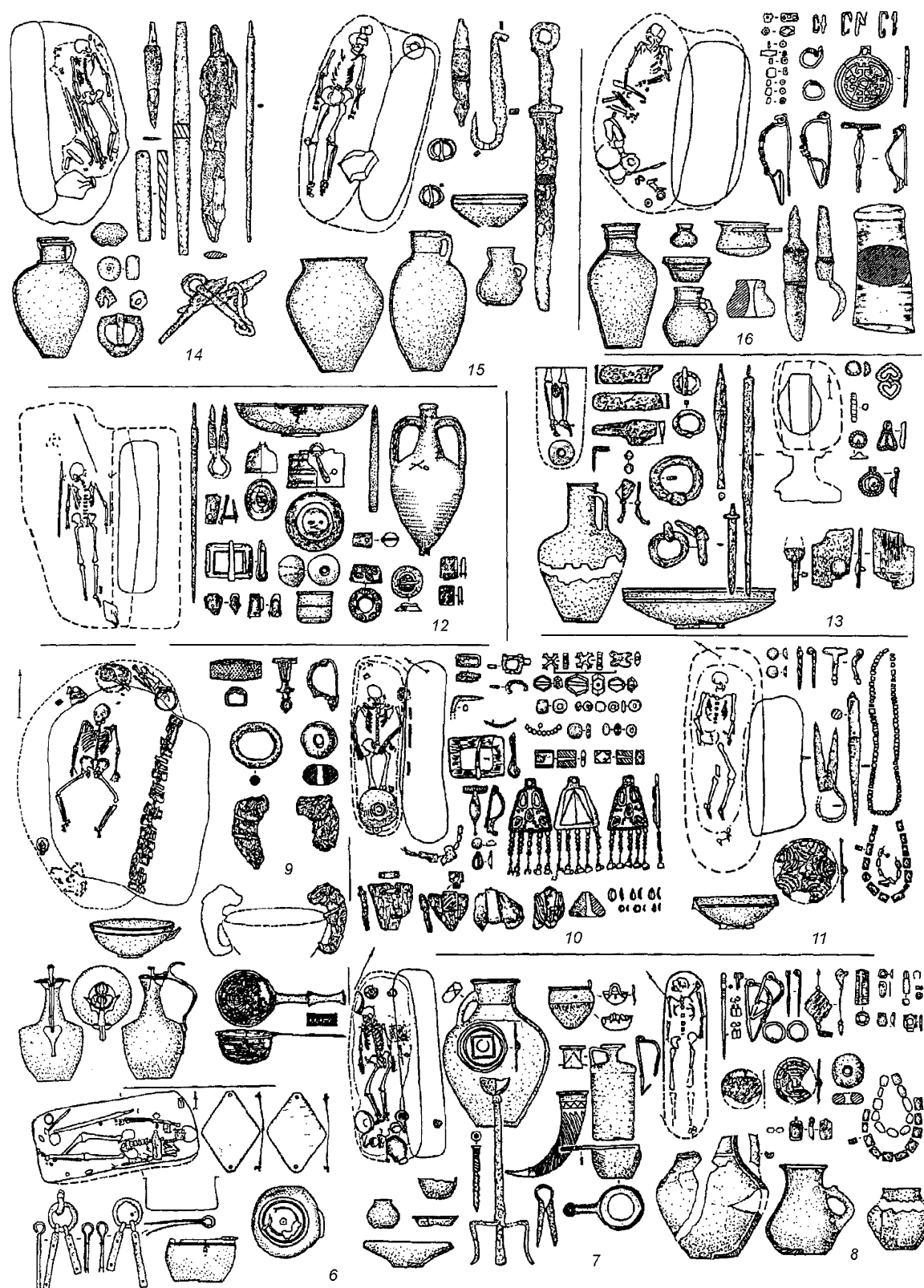

Рис. 8. Гунно-сарматские памятники Дона и Северного Причерноморья ("всадники") (по А.И. Мелюковой [1962, с. 196, 198, 199, 203], С.И. Безуглову [1997, с. 214, 216, 218, 219, 221], Е.И. Беспалову [1990, с. 104 – 106], В.К. Гугуеву, С.И. Безуглову [1990, с. 165 – 168], В.Е. Максименко [1998, с. 264], Л.Г. Шепко [1987, с. 161, 164, 166, 167, 169]).

Сладковский: 1 (кург. 20, погр. 1); 5 (кург. 19, погр. 1); Центральный IV: 2 (кург. 16, погр. 8); Шевченко: 3 (кург. 4); 14, 15 (кург. 7, 9); Кобяково: 4 (кург. 5); Высотино VII: 6 (кург. 12); 8, 11 (кург. 17); Нагаевский II: 7 (кург. 11); Олонешты: 9; Новоалександровка I: 10, 12 (кург. 20); Новоалександровка: 13 (кург. 25).

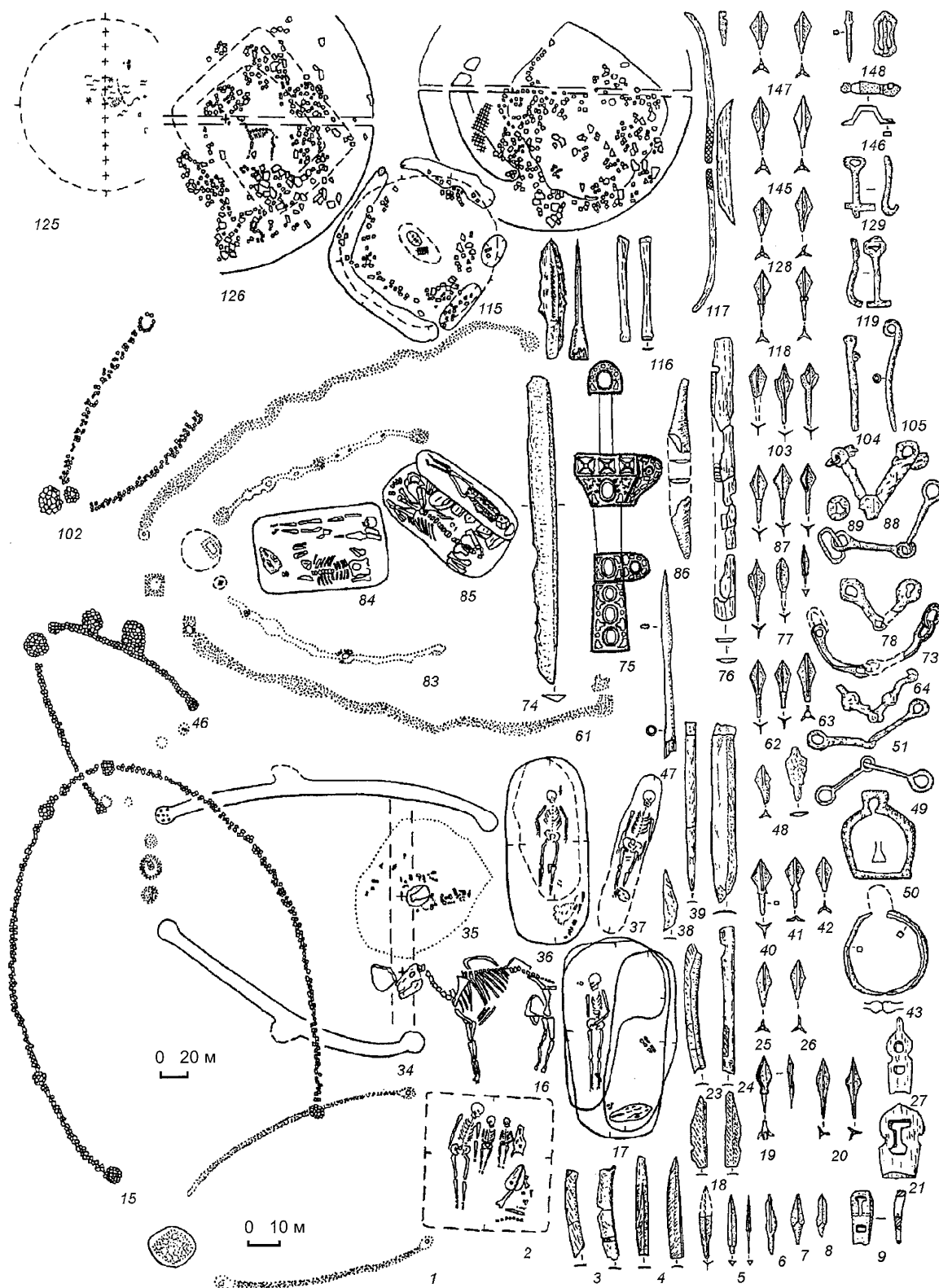
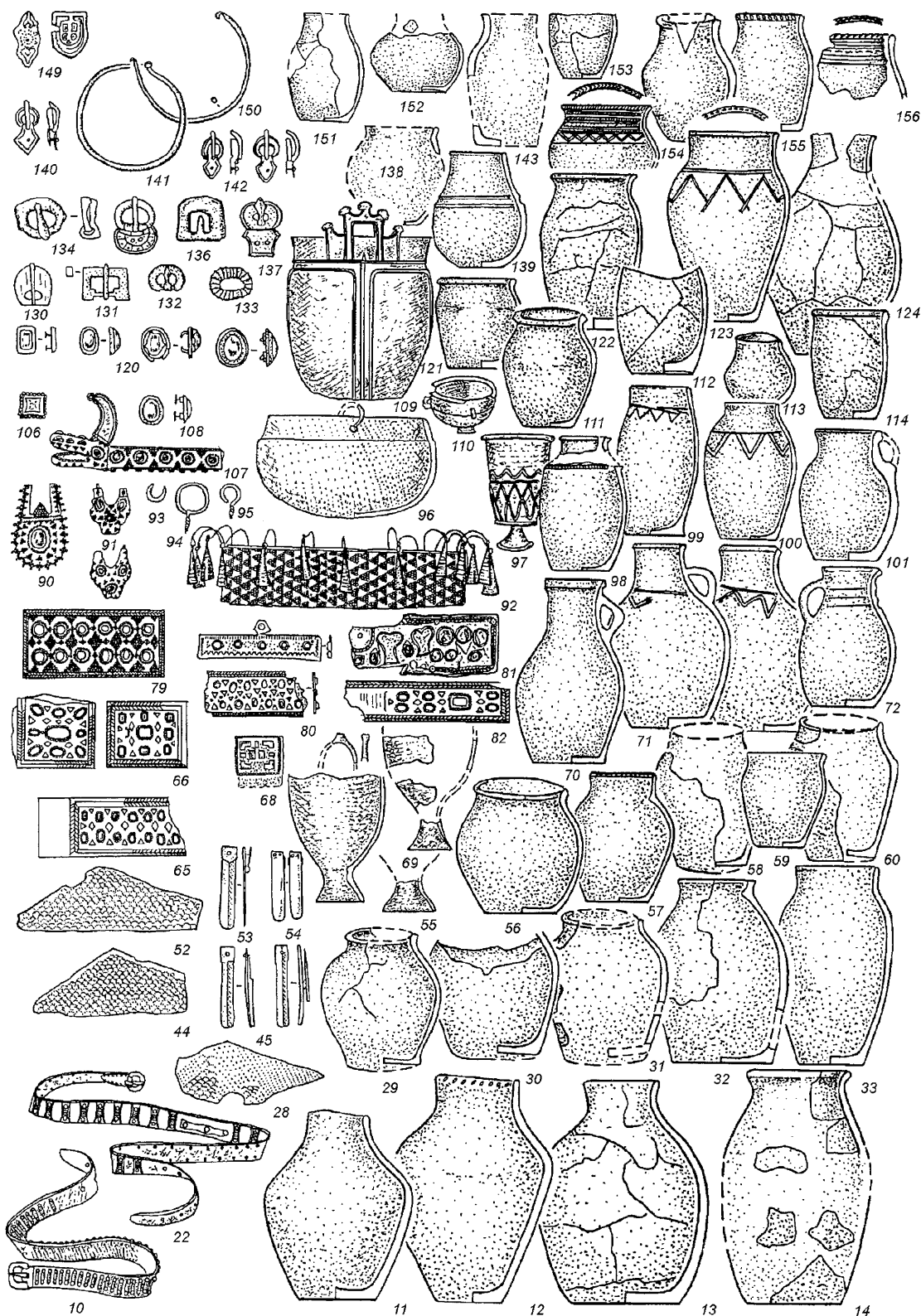

Рис. 9. Памятники постгуннского и раннетюркского периодов в урало-казахстанских степях V – VIII вв.

Оленина Отнога: 1, 155; Каннатас: 2, 9, 10, 78, 79; Кызыл-Адыр: 3 – 5, 18, 38, 39, 54, 77, 87, 89, 93, 103, 109, 119; Боровое: 6 – 8, 28, 65 – 68, 75, 82, 90, 94, 106, 110, 131, 133, 141; Кызыл-Жар: 11 (кург. 1); 12, 125 (кург. 3); Городищенское IX: 13, 40, 41, 61; Кансай: 14, 83, 144 (кург. 14); Айдарлы: 15; Солончанка: 16, 20, 25, 26, 34, 35, 42, 44, 45 – 53, 50, 63, 71, 76, 80, 86, 96, 108, 120, 128, 140, 142, 145, 147; Каменный Амбар: 17, 132, 137 (кург. 6); 36, 72 (кург. 5); Султантемирский: 19, 33, 73, 105, 118, 129, 139; Егиз-Койтас: 21, 50, 51, 84;

Зевакинский: 22, 48, 49, 74, 95, 116, 117, 150 (кург. 1); 57 (кург. 3); 69, 99 (кург. 2); 30, 31, 57, 58, 60 (курганы с "усами"); Воинов: 32 – 36; Аркаим: 37, 64, 130, 136; Жарлы: 43, 85 (кург. 1); Нижнедавлетовский: 47; Кызылтас: 55, 100 (кург. 1); Ленинка: 56; Сангуыр: 59 (кург. 2); Беркутты: 70, 88; Кара-Агач: 89, 91, 92, 97, 107; Кызылтас II: 98; Селенташ: 101, 156 (кург. 4); 121, 126 (кург. 5); Батакара: 111 (кург. 5); Александровские: 112, 122 (кург. 1); Тасмола: 113, 143, 154 (кург. 19); Крутой Овраг: 114 (кург. 3); 148 (кург. 4); 153 (кург. 1); Елантау: 115, 146, 149 (кург. 4); III Восточно-Курайлинские: 151 (кург. 2); 152 (курган с костями лошади).

Кто же был носителем новых культурообразующих традиций?

Эти комплексы получили название “всаднических, или дружинных” [Максименко, Безуглов, 1987, с. 191; Безуглов, 1988, с. 113]. Нет смысла характеризовать их подробно, достаточно отметить, что в бассейне Дона имеются памятники, которые ярко демонстрируют позднесарматские черты комплексов Нижнего Поволжья и особенно гунно-сарматские черты большинства памятников урало-казахстанских степей, которые хорошо просматриваются в мужских погребениях по предметам вооружения и конской упряжи (кольчатые удила, накладки-зажимы с круглым щитком, наконечники ремней, пряжки с подвижным щитком и пр.) [Мошкова, 1978; Мелюкова, 1962; Максименко, Безуглов, 1987; Безуглов, 1988; Гугуев, Безуглов, 1990; Беспалый, 1990; Шепко, 1987; Максименко, 1998] (рис. 8). Однако в отличие от гунно-сарматских восточно-европейские комплексы данного периода несут признаки разнотипного смешения. Ярким примером такого микширования является Сусловский могильник, который, как известно, стал основой для выделения позднесарматской культуры. Исходя из вышесказанного, использование сегодня введенного много лет назад определения “позднесарматская культура” – не более чем дань традиции. С точки зрения реальной историко-археологической обстановки более точным, по нашему убеждению, представляется определение “позднесарматский этап”, “позднесарматский период”.

Итак, во II – IV вв. н.э. в различных регионах Восточной Европы черты общесарматского облика деформируются, исчезают и приобретают облик новой гунно-сарматской общности. К III – IV вв. культурные инновации достигают степной и лесостепной зоны Подунавья. Готское нашествие лишь на столетие отсрочило окончательную консолидацию гуннской орды (см. рис. 4, 23 – 25). Создание единого гуннского союза произошло в период окончательной культурной нивелировки путем этнополитической консолидации на базе кочевого позднесарматского населения Восточной Европы под предводительством восточных кланов, обитавших до второй половины IV в. в урало-казахстанских степях.

Финальный, наиболее яркий и самый короткий этап хунно-гуннского культурогенеза приходится на собственно гуннский период – конец IV – середину V в. н.э. Для этого времени характерны памятники, несущие основные черты гунно-сарматского облика. К ним относятся следующие известные комплексы: Заммеринг, Печюсет (Венгрия); Белтени, Конциешты, Герсень (Румыния); Мирнолюбовка, Беляус (Крым); Кубей, Новоивановка, Черноморское (Причерноморье, Северный Кавказ); Ленинск (кург. 3, погр. 12), Шипово (кург. 2, 3), Верхне-Погромное, Новоселки,

Покровск (кург. 36, погр. 2), Переполовенка, Кирово, Владимировка (Поволжье). Однако некоторые из названных памятников датируются более поздним временем и имеют признаки негуннских культурных инноваций, выразившихся в изменении ориентировки – северный сектор постепенно заменяется северо-восточным, восточным. Явно инокультурными компонентами обряда становится помещение в могилу или рядом на ступеньку шкуры или целого скелета животного. Эти комплексы, как нам представляется, знаменуют собой начало нового раннетюркского историко-культурного периода, которое приходится на вторую половину V в. н.э. и связано с проникновением в казахстанские и южно-русские степи части тюрко-телесских племен, составивших основу протоболгарского населения (савиры, утригуры, кутригуры) [Исхаков, Измайлов, 2000, с. 14 – 15]. Некоторые из перечисленных комплексов датируются IV – V вв. н.э. К ним, вероятнее всего, относятся: Беляус, Энгельс (кург. 36, погр. 2), Зеленокумское, Бережновка (кург. III, погр. 1), Кубей (погребения с восточной ориентировкой, с конем или шкурой лошади), а также Новогригорьевка (кург. VII – IX), Остроголовка (Д 18, 19), Ровное (кург. 42, 47), Высокое (Е7), Покровск (кург. 2, 3, 11), Бородаевка (кург. 5) и др. (курганы-кострища).

Традиция сооружения курганов-кострищ получила особенно яркое развитие в комплексах т.н. селенташского типа в урало-казахстанских степях. Они представлены курганами с “усаами”, или с грядами, каменными вымостками и оградами с остатками продуктов горения, в ряде случаев – с трупосожжением, захоронениями лошадей, их шкур или макетов, а также вещевым материалом, который помещался на древней поверхности внутри вымосток и оград. Сегодня известно до 300 комплексов, относящихся к этому типу памятников [Боталов, Гуцалов, 2000, с. 185 – 218]. Вероятно, они, а также немногочисленные погребения с восточной ориентировкой, шкурой или скелетом лошади (Егиз-Койтас, Чиликты, Семиозерное) и составляют памятники раннетюркского этапа конца V – VIII в. в пределах урало-казахстанских степей (рис. 9).

Таким образом, все вышеизложенное убеждает нас в единстве хуннского и гуннского культурогенеза в пределах евразийских степей, которые делятся на этапы: 1-й – дохуннский (жуно-диский), эпоха Инь – IV – III вв. до н.э.; 2-й – “классический хуннский”, III в. до н.э. – II в. н.э.; 3-й – гунно-сарматский, II – IV вв.; 4-й – гуннский, конец IV – середина V в.; 5-й – постгуннский (раннетюркский), конец V – VIII вв.

Список литературы

Акишев К.А. Саки азиатские и скифы европейские. Общее и особенное в культуре // Археологические исследова-

дования в Казахстане. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1973. – С. 43 – 58.

Акишев К.А., Кушаев Г.А. Саки и усунь долины реки Или. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1963. – 304 с.

Байпаков К.М., Подушкин А.Н. Памятники земледельческо-скотоводческой культуры Южного Казахстана (I тысячелетие н.э.). – Алма-Ата: Наука КазССР, 1989. – 160 с.

Безуглов С.И. Позднесарматское погребение знатного воина в степном Подонье // СА. – 1988. – № 4. – С. 103 – 115.

Безуглов С.И. Воинское позднесарматское погребение знатного воина // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1994 году. – Азов: Изд-во Азов. краевед. музея, 1997. – С. 133 – 142.

Берлизов Н.Е., Каминский В.Н. Аланы, Кангюй, Давань // Петербург. археол. вест. – 1993. – № 7. – С. 94 – 111.

Бернштам А.Н. Кенкольский могильник. – Л.: Изд-во АН СССР, 1940. – 222 с.

Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Тяньшаня и Памиро-Алая // МИА. – 1952. – № 26. – С. 50 – 60.

Беспалый Е.И. Погребение позднесарматского времени у г. Азова // СА. – 1990. – № 1. – С. 213 – 223.

Боталов С.Г. Волго-уральские и казахстанские степи в V – VIII вв. (некоторые вопросы тюркизации евразийских степей) // Новое в археологии Южного Урала. – Челябинск: Рифей, 1996. – С. 194 – 209.

Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю. Гунно-сарматы урало-казахстанских степей. – Челябинск: Рифей, 2000. – 267 с.

Вайнберг Б.И. Памятники куюсайской культуры // Кочевники на границах Хорезма. – М.: Наука, 1979. – С. 7 – 76.

Вайнберг Б.И. Этногеография Турана в древности: VII в. до н.э. – VIII в. н.э. – М.: Вост. лит. РАН, 1999. – 358 с.

Варенов А.В. Реконструкция иньского защитного вооружения и тактика армии по данным оружейных кладов // Китай в эпоху древности. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 42 – 51.

Варенов А.В. Датировка оружия, изображенного на оленных камнях монголо-забайкальского типа и проблема археологических памятников сюнну // 100 лет хуннской археологии: Номадизм – прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе: Гуннский феномен. – Улан-Удэ: Изд-во ТОО “Олзон”, 1996. – С. 3 – 6.

Воеводский М.В., Грязнов М.П. Усуньский могильник на территории Киргизской ССР: к истории усуней // ВДИ. – 1938. – № 3. – С. 162 – 177.

Горбунова Н.Г. О подбойно-катакомбных погребениях ранних кочевников Средней Азии // СА. – 1991. – № 3. – С. 20 – 30.

Грантовский Э.А. О восточноиранских племенах кушанского ареала // Центральная Азия в кушанскую эпоху. – М.: Наука, 1975. – Т. 2. – С. 76 – 92.

Григорьев С.А. Древние индоиранцы: Опыт исторической реконструкции. – Челябинск: Рифей, 1999. – 444 с.

Гросу В.И. Сарматский курган у с. Карпач // СА. – 1979. – № 2. – С. 250 – 255.

Гугуев В.К., Безуглов С.И. Всадническое погребение первых веков нашей эры из курганного некрополя Кобяковского городища на Дону // СА. – 1990. – № 2. – С. 164 – 175.

Гудкова А.В., Фокеев М.М. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I – IV вв. н.э. – Киев: Наук. думка, 1984. – 119 с.

Гуцалов С.Ю. Курган раннескифского времени на Илеке // Археологические памятники Оренбуржья. – Оренбург, 1998. – № 2. – С. 127 – 136.

Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс // Археологические памятники сюнну: Иволгинский могильник. – СПб.: Изд-во Центра “Петербургское востоковедение”, 1996. – Т. 2, вып. 2. – 176 с.

Данченко Г.П., Нестеров С.П. Два погребения гунно-сарматской эпохи из Аймырлыгской долины // Методические проблемы реконструкций в археологии и палеоэкологии. – Новосибирск: Наука, 1989. – С. 94 – 103.

Дебэн-Франкфор К. Саки в провинции Синьцзян до периода Хань. Критерий идентификации // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1989. – С. 246 – 256.

Демкин В.А., Рысков Л.Г. Динамика палеоэкологических условий в волго-уральских степях – проблема миграций ранних кочевников // 100 лет гуннской археологии: Номадизм – прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе: Гуннский феномен. – Улан-Удэ: Изд-во ТОО “Олзон”, 1996. – С. 99 – 101.

Десятчиков Ю.М. Сатархи // ВДИ. – 1973. – № 1. – С. 131 – 144.

Досымбаева А.М. Культура населения Семиречья во II в. до н.э. – V в. н.э. (по погребальным памятникам): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Алматы, 1999. – 29 с.

Заднепровский Ю.А. Опыт региональной классификации погребальных памятников кочевников Средней Азии древнего периода (II в. до н.э. – VI в. н.э.) // Страницы истории и материальной культуры Киргизии. – Фрунзе: Изд-во АН КиргССР, 1975. – С. 160 – 167.

Заднепровский Ю.А. Ранние кочевники Кетмень-Тюбе, Ферганы и Алая // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992а. – С. 87 – 94. – (Археология СССР).

Заднепровский Ю.А. Ранние кочевники Семиречья и Тяньшаня // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992б. – С. 73 – 86. – (Археология СССР).

Заднепровский Ю.А. Ранние кочевники Казахстана и Ташкентского оазиса // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992в. – С. 101 – 106. – (Археология СССР).

Исмагил Р. Бегазы-дандыбаевский феномен и его типологические параллели // Уфим. археол. вест. – Уфа: Изд-во ИИЯЛ УНЦ РАН, 1998. – Вып. 1. – С. 3 – 7.

Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Этнополитическая история татар. – Казань: Иман, 2000. – 136 с.

Ковалев А.А. Древнейшие датированные памятники скифо-сибирского стиля (тип Наньшаньгэнь) // Древние культуры Центральной Азии. – СПб.: Культ-информ-пресс, 1998. – С. 122 – 131.

Кожин П.М. О хронологии памятников Аньяна // Китай в эпоху древности. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 45 – 54.

Кожомбердиев И.К. Археологические памятники долины Кетмень-Тюбе // Успехи среднеазиатской археологии. – Фрунзе: Наука КиргССР, 1975. – С. 56 – 57.

Коновалов П.Б. Хунну в Забайкалье. – Улан-Удэ: Кн. изд-во, 1976. – 247 с.

Коновалов П.Б. О происхождении и ранней истории хунну // 100 лет гуннской археологии: Номадизм – прошлое,

настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе: Гуннский феномен. – Улан-Удэ: ТОО “Олзон”, 1996. – С. 58 – 63.

Костенко В.И. Сарматские памятники в материалах археологической экспедиции ДГУ // Курганные древности степного Поднепровья (III – I тыс. до н.э.). – Днепропетровск: Изд-во ДГУ, 1977. – С. 114 – 137.

Костенко В.И. Сарматы в междуречье Орели и Самары // Курганные древности степного Поднепровья (III – I тыс. до н.э.). – Днепропетровск: Изд-во ДГУ, 1979. – С. 124 – 139.

Крадин Н.Н. Империя хунну. – Владивосток: Дальнаука, 1996. – 164 с.

Кульпин Е.С. Генетические коды цивилизаций // Генетические коды цивилизаций. – М.: Московский лицей, 1995. – С. 3 – 28.

Кызласов Л.Р. Древняя Тува. – М.: Наука, 1979. – 207 с.

Левина Л.М. Памятники джетыясарской культуры середины I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. // Степная полоса азиатской части СССР. – М.: Наука, 1992. – С. 61 – 72. – (Археология СССР).

Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. – М.: Вост. лит., 1996. – 396 с.

Литвинский Б.А. Джунский могильник и некоторые аспекты кангюйской проблемы // СА. – 1967. – № 2. – С. 32 – 35.

Литвинский Б.А., Седов А.В. Культы и ритуалы Кушанской Бактрии. – М.: Наука, 1989. – 242 с.

Лоховиц В.А. Подбойно-катакомбные и коллективные погребения могильника Тумек-Кичижик // Кочевники на границах Хорезма. – М.: Наука, 1979. – С. 134 – 155.

Лоховиц В.А., Хазанов А.М. Подбойные и катакомбные погребения могильника Туз-Гыр // Кочевники на границах Хорезма. – М.: Наука, 1979. – С. 111 – 133.

Максименко В.Е. Сарматы на нижнем Дону. – Ростов: Изд-во РГУ, 1983. – 153 с.

Максименко В.Е. Сарматы на Дону // Донские древности. – Азов: Изд-во Азов. краевед. музея, 1998. – Вып. 6. – 280 с.

Максименко В.Е., Безуглов С.И. Позднесарматские погребения в курганах на реке Быстрой // СА. – 1987. – № 1. – С. 183 – 192.

Максимова А.Г., Мершиев М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Древности Чардары. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1968. – 262 с.

Мандельштам А.М. Мештерхазинский могильник // КСИА. – 1971. – № 128. – С. 66 – 72.

Мандельштам А.М. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии // Тр. Тадж. археол. экспедиции. – Л.: Наука, 1975. – Т. 7. – 225 с.

Мануйлов А.Н. Сюнну: Традиции и обычаи // Музейн. вест. – Краснодар: Изд-во Краснодар. краевед. музея, 1993. – Вып. 1. – С. 44 – 70.

Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1979. – 435 с.

Материалы по истории сюнну (по китайским источникам) / Пер. и прим. В.С. Таскина. – М.: Наука, 1968. – Вып. 1. – 177 с.

Мачинский Д.А. Некоторые проблемы этнографии восточноевропейских степей во II в. до н.э. – I в. н.э. // АСГЭ. – 1974. – № 16. – С. 131 – 135.

Медведев А.П. Верхнее Подонье в первой половине I тысячелетия н.э. // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тысячелетия. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1998. – С. 4 – 18.

Мелентьев А.Н. Керамика карасукского типа Северного Прикаспия // КСИА. – 1975. – Вып. 142. – С. 39 – 43.

Мелюкова А.И. Сарматское погребение из кургана у с. Олонешты // СА. – 1962. – № 1. – С. 195 – 208.

Могильников В.А. Хунну Забайкалья // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 254 – 273. – (Археология СССР).

Могильников В.А. Тенденции этнокультурного развития населения северо-западных предгорий Алтая в эпоху раннего железа // Комплексные общества Центральной Евразии в III – I тыс. до н.э. – Челябинск: Изд-во ЧГУ, 1999. – С. 186 – 189.

Мошкова М.Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. – М.: Наука, 1974. – 58 с.

Мошкова М.Г. Два позднесарматских погребения в группе “Четыре брата” на нижнем Дону // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. – М.: Наука, 1978. – С. 71 – 77.

Неразик Е.Е. Археологическое обследование городищ Куны-Уаз в 1952 году // КСИА. – 1958. – № 154. – С. 380 – 388.

Новгородова Э.А. Древняя Монголия. – М.: Наука, 1989. – 384 с.

Обельченко О.В. Лявандакский могильник // История материальной культуры Узбекистана. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1961. – Вып. 2. – С. 97 – 176.

Обельченко О.В. Погребения сарматского типа под Самаркандом // СА. – 1967. – № 2. – С. 181 – 187.

Полосмак Н.В. Некоторые аналогии погребениям в могильнике у деревни Даодуньцзы и проблемы происхождения сюннской культуры // Китай в эпоху древности. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 101 – 107.

Погребова М.Н. Ранний железный век // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. – М.: Наука, 1988. – С. 156 – 189.

Рикман Э.А. Этническая история населения Поднепровья и прилегающего Подунавья в первые века новой эры. – М.: Наука, 1975. – 336 с.

Савинов Д.Г. Государства и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья. – Кемерово: Изд-во КГУ, 1994. – 215 с.

Самашев З.С., Франкфорт А.П., Ермолаева А.С., Жумабекова Г.С., Гий Э., Сунгатай С., Жетыбаев И.М., Омаров Г.К. Исследования культуры древних кочевников Казахского Алтая // Проблемы изучения и сохранения исторического наследия. – Алматы: Изд-во ИА Казахстана, 1998. – С. 174 – 202.

Сарианиди В.И. Храм и некрополь Тиля-Тепе. – М.: Наука, 1989. – 240 с.

Сергацков И.В. О некоторых обстоятельствах появления аланов в Восточной Европе // Нижневож. археол. вест. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1998. – Вып. 1. – С. 44 – 49.

Ситников С.М., Шульга П.И. Работы на Юго-Западном Алтае // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1995. – С. 59 – 62.

Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. – Саратов: Изд-во СГУ, 1984. – 150 с.

- Смирнов К.Ф.** Вопросы изучения сарматских племен // Вопросы скифо-сарматской археологии. – М.: Наука, 1954. – С. 195 – 219.
- Смирнов К.Ф.** Сарматы на Илеке. – М.: Наука, 1975. – 176 с.
- Таиров А.Д.** Историко-экологическая ситуация в Южном Зауралье во второй половине I тысячелетия до н.э. и расселение ранних сарматов // Культуры древних народов степной Евразии и феномен протогородских цивилизаций Южного Урала. – Челябинск: Изд-во ЧГУ, 1995. – Кн. 2, ч. 5. – С. 90 – 96.
- Троицкая Т.Н., Бородовский А.П.** Большереченская культура лесостепного Приобья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 184 с.
- Тянь Гуанцзинь.** Археология сюнну в районе Внутренней Монголии за последние годы // Каогу сюэбао. – 1983. – № 1. – С. 7 – 24 (на кит. яз.).
- Тянь Гуанцзинь, Го Сусинь.** Оэрдосы ши цинтунци [Бронзы ордосского стиля]. – Пекин: Вэньу, 1986. – 412 с. (на кит. яз.).
- У Энь, Чжун Кань, Ли Цзиньцзэн.** Могильник сюнну в деревне Даодуньцзы уезда Тунсинь в Нинся // Китай в эпоху древности. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 88 – 101.
- Федоров Г.Б.** Население Прутско-Днепровского междуречья в I тыс. н.э. – М.: Наука, 1960. – 370 с. – (МИА; № 9).
- Фокеев М.М.** Типы сарматских могильников в Буджакской степи // Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. – Киев: Наук. думка, 1986. – С. 157 – 160.
- Фокеев М.М.** Памятники первых веков новой эры в Буджакской степи // Днестро-Дунайское междуречье в I – начале II тысячелетия н.э. – Киев: Наук. думка, 1987. – С. 16 – 25.
- Хабдулина М.К.** Степное Поишимье в эпоху раннего железа. – Алматы: Гылым, 1994. – 170 с.
- Худяков Ю.С.** Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1986. – 368 с.
- Цэвэндорж Д.** Новые данные по археологии хунну // Древние культуры Монголии. – М.: Наука, 1985. – С. 51 – 87.
- Черников С.С.** К вопросу о хронологических периодах ранних кочевников (по археологическим материалам Казахстана) // Первобытная археология Сибири. – Л.: Наука, 1975. – С. 132 – 137.
- Чжао Юэ.** Сяньбэйские погребения, найденные возле д. Лабудалинь, аймак Эргунай (правый), Внутренняя Монголия // Каогу. – 1990. – № 10. – С. 890 – 928 (на кит. яз.).
- Шепко Л.Г.** Позднесарматские курганы в Северном Причерноморье // СА. – 1987. – № 4. – С. 158 – 173.
- Шульга П.И.** Раннескифская упряжь VII – начала VI в. до н.э. по материалам погребения на р. Чарыш // снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1998. – С. 25 – 49.
- Яблонский Л.Т., Дэвис-Кимбэл Дж., Демиденко Ю.В.** Раскопки курганных могильников Покровка-1, Покровка-2 в 1994 году // Курганы левобережного Илека. – М.: ИА РАН, 1995. – С. 9 – 47.
- Яценко С.А.** Аланы в Восточной Европе в середине I – середине IV в. н.э. (по данным письменных источников) // Петербург. археол. вест. – 1993. – № 6. – С. 83 – 88.
- Das Gräberfeld der hunno-sarmatischen Zeit von Korel; Tuva, Süd-sibirien** // Materialien zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie. – München: Verlag C.H. Beck, 1984. – Bd. 25. – P. 202.
- Kulcsar V.** A Karpat-medencei szarmataak temetkezési szokasai // Aszod. – 1998. – N 4. – P. 89 – 102.
- McGovern W.M.** The Early Empires of Central Asia: A study of the Scythian and the Huns and the part they played in world History. – Chapel Hill: The Univ. of North Carolina Press, 1939. – P. 472.

Материал поступил в редколлегию 12.11.02 г.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ КАРТ В ЯПОНИИ (анализ и интерпретация традиционных японских интеллектуальных карточных игр)

Введение

В Японии с глубокой древности известны т. н. изящные развлечения, в числе которых наиболее значимыми в культуuroобразующем аспекте были поэтические, художественные, музыкальные турниры, состязания в знании и мудрости, в искусстве приготовления ароматов, турниры по составлению композиций из хризантем и многие другие. В основе всех этих развлечений можно предполагать наличие важнейшего понятия японской эстетики – критерия *моно-но аварэ*, что означает “очарование вещей”. Он фиксировал внимание на “грустном очаровании хрупкого, ускользающего мира” и на “буддийском ощущении эфемерности бытия” [Гришелева, 1986, с. 104], подразумевал выявление прекрасного в самой реальности – в окружающей природе, в жизни, в человеке и его эмоциях, требовал способности людей ощущать и ценить естественную красоту вещей [Боронина, 1981, с. 126].

Можно предположить, что в основе японских интеллектуальных карточных игр, как это ни странно на первый взгляд, лежал тот же принцип “очарования вещей”. Поэтому японские интеллектуальные развлечения, и в частности карточные игры, вполне справедливо рассматривать в контексте всей духовной культуры Японии – наряду с театрами *Но* и *Кабуки*, танцевальными пьесами, кукольными спектаклями, пантомимами в масках, с институтом гейш, искусством спортивной борьбы *дзюдо* и *сумо*, наряду с празднествами и церемониями любования цветами, с чайной церемонией *тя-но-ю* и др. Такой подход к анализу традиционных японских карточных игр дает воз-

можность осознать большое значение интеллектуальных развлечений в японской духовной культуре как своеобразного этикета и ритуала.

В истории происхождения и развития карт в Японии можно выделить два направления, две системы: собственно японскую, возникшую в глубокой древности, и систему, появившуюся на Японском архипелаге в XVI в. вместе с приходом испано-португальских торговцев и миссионеров.

Собственно японская система карт

Создание японской карточной системы уходит корнями в глубокую древность. Относительно времени появления самих карт можно с уверенностью сказать, что это был период после завершения эпохи Хэйан, т.е. конец XII в., когда уже существовали различные забавы и развлечения, в т.ч. такие своеобразные игры, которые были связаны со складыванием по определенным критериям одних вещей и предметов с аналогичными другими и с их сравнением. Этот предшествовавший, по мнению исследователей, появлению карт этап условно называется периодом *моноавасэ* (“сопоставление вещей”) [Ватанабэ Хиро-си, 1969, с. 136].

Среди видов *моноавасэ* можно отметить *утаавасэ* – “сложение песен (т.е. стихов)” (кроме того, так назывались поэтические турниры), *каиавасэ* – “сложение раковин моллюсков”, *ханаавасэ* – “сопоставление цветов”, *о:гуавасэ** – “сопоставление вееров”,

* Двоеточием в российском японоведении принято обозначать долгий звук.